

ТАИР АЛИ

МИРЗА ХАЛИЛ И ВИРУС

ПОВЕСТЬ

После долгой болезни сам становишься хорошим врачом

Китайская пословица

1

Томатный суп Сара опять переперчила. И вообще готовила она приблизительно так же, как и жила: с энтузиазмом, но неумело. Сосредоточенно, чтобы не расплескать, Мирза Халил поднес ко рту полную ложку и, наблюдая за тем, как на экране телевизора итальянские санитары в скафандрах грузят носилки с обездвиженными стариками в кареты «скорой помощи», горящими от перца губами втянул в себя ее багровое содержимое. В протертых супах Сары всегда ощутимо присутствовал эмоциональный надрыв.

– Что творится! – энергично покачала она обернутой полотенцем головой, ставя перед Мирзой Халилом блюдечко с четырьмя таблетками разного размера и цвета. – Просто конец света! Поешь – не забудь принять.

Мирза Халил не ответил и проглотил еще одну ложку супа. Теперь уже не только губы и рот, но и все внутренности его полыхали, как в огне.

– Я добавила немножко перчинки, – сообщила Сара, подсаживаясь к столу со своей тарелкой. – Для иммунитета полезно, слышишь, Мирза? Ешь аккуратно. Позже дам тебе имбирь с лимоном и медом. Ты, знаешь, сколько сейчас имбирь стоит? Обалдеть!.. 16 манатов! Эти сукины дети в два раза почти цену подняли... Чтoб они эти деньги на лекарство потратили! Давай я тебе сухариков положу.

Зачерпнув горсть сухарей из фаянсовой вазочки, она высыпала их в тарелку Мирзы Халила.

– Я не понимаю, ну зачем надо было этих летучих мышей жрать! На них даже смотреть невозможно... Гадость! Есть больше нечего, что ли? Просто уроды! Как суп тебе?.. Почувствовал, что в нем тоже имбирь? Ты, наверное, не помнишь, а покойная бабушка во все подряд его клала. И в инжировое варенье, и в мясо... получается, знала, что делала. Где пульт? Куда ты его опять девал? Невозможно это больше смотреть, кругом только вирус, вирус, вирус... Ох, когда только эта китайская зараза кончится!

Она выскочила из-за стола и, придерживая полотенце на голове, принялась энергично шарить по диванным подушкам.

– Да где он... проклятый! Мирза?..

Скосив взгляд на журнальный столик, на котором лежал пульт, Мирза Халил втянул в себя еще одну полную ложку супа. Лицо его уже успело покраснеть и блесло от пота.

– Вот он! Вечно ты его куда-то прячешь...– Сара стала переключать каналы, наткнулась на исторический сериал и вернулась за стол. – ...говорит, кормят нас, мама, хорошо. Ну разве это дело? Заперли ребенка на две недели. А если там есть больные? Ведь они же все перезаразятся... не дай Бог!.. – она суеверно потянула мочку уха. – Что молчишь? Тебе наплевать на все, да? Мирза!.. Я тебя предупреждаю,

если с мальчиком что-нибудь случится, я этого Мурадова... я просто сожгу его со всеми его блядами!

Мурадов был ни при чем. Доктор попал в карантин еще 18-го, по возвращении из Германии, куда ездил вместе с нынешней супругой на целый месяц лечить подагру, а Эльмар – только два дня назад, по прилете из Вены.

– Сожгу! – яростно повторила Сара, принимаясь, наконец, за суп. Однако, распробовав его, заюлила на месте, как ужаленная, и, быстро обмахивая ладонью беспомощно разинутый рот, бросилась в ванную, откуда слышались звуки хлещущей в раковину воды. Пока она долго по-кошачьи фыркала там, на экране восточный мужчина в халате тискал под музыку нордическую женщину в шелковых шальварах, а Мирза Халил продолжал есть, стараясь выбрать из супа побольше размякших в нем сухариков.

Сара вернулась в столовую без полотенца, заплаканная, выхватила у него из-под носа тарелку.

– Что ж ты не сказал, что это несъедобно! – стала она кричать. – Ты посмотри на себя, помидорного цвета уже... сейчас у тебя удар будет! Ты назло мне это делаешь?.. Да? Назло?

Мирза Халил терпеливо молчал, держа на весу полную ложку. Ответить ему было нечего. За полтора с лишним года со времени операции он вообще говорил все реже и реже и жил при Саре тихо, почти незаметно. Теперь и поднимался он поздно, не раньше десяти, и спал хорошо почти все время, в немалой степени потому, что постоянное присутствие сестры, ее энергетика вконец распугали всех знакомых покойников, имевших прежде обыкновение сниться ему по крайней мере дважды в неделю. Первой, разумеется, пропала нелюбимая Сарой жена Мирзы Халила с ее дурацкими учительскими очками и вечными подковырками. Последними исчезли пауки. Сон его теперь был спокойный, несложный, хотя и с частыми подъемами по нужде – аденомы, слава богу, еще не было, но простата уже давала о себе знать, в связи с чем Сара прописала ему два разных альфа-аденоблокатора, антибактериальный ципрофлоксацин и прогулки перед сном, невзирая на погоду. Так что каждый вечер до эпидемии, сопя носом сквозь колючее кашне, нарезал он ровным шагом круги вокруг дома, разгонял застои в простате и радовался удивительной пустоте в прооперированной голове. Иногда водила она его на бульвар или брала с собой в «Браво» за продуктами.

...Сара громко высморкалась в салфетку, обиженно сложив на груди руки, встала спиной к нему, заслонила телевизор. Пришлось ему наклонить голову вправо: бородатый в халате, закончив амурные дела, теперь держал военный совет. Воспользовавшись паузой, Мирза Халил влил в себя остывшее содержимое ложки.

– Надо померить давление, – примирительно сказала Сара через полминуты, обернувшись к Мирзе Халилу. – Плохо тебе?

Усевшись на стуле рядом, закатала она ему рукав рубашки, стала затягивать манжету тонометра вокруг бицепса.

– Все из рук валится... – ворчала Сара, близоруко сверяясь с показателями, – сам же видишь... в другое время стала бы я столько перчить?.. И ведь, главное, проболала, вроде... Безобразие... рот сожгла, до сих пор горит. Не понимаю, как ты его ел?

Она посмотрела на него поверх очков, помолчала:

– Что теперь будет, Мирза, а?.. Умоляла же я эту суку: отговори мальчика, не пускай... Зачем было сейчас в эту Вену лететь? «Ой, он сам все решает, Сара-ханым, сам все решает» – дура безмозглая! Сука! Сейчас сидит у папаши своего, ни о чем не беспокоится, а я тут себе места не нахожу. Разве это справедливо? Надо было ей, видите ли, срочно беременеть во второй раз!.. Расслабь, расслабь руку! ...Говорят, ин-

дусы не болеют этой заразой. Интересно, почему? Может, просто не сообщают? Тут какой-то доктор Самедов в Интернете писал, что это как-то связано с рисом. То ли его больше надо есть, то ли меньше, уже не помню... В рисе есть какой-то минерал, который на вирус действует. Да оставь ты эту ложку в покое! ...нет, ну все правильно! Эта засранка тут ни при чем! Что делать, если у меня сын идиот! А все проклятое семя Мурадова... чтоб он лопнул со своими шлюхами!

Давление оказалось в порядке. Сара стащила манжету с руки Мирзы Халила и, глядя в его безучастное лицо, погладила по редкому бобрику совершенно бело-снежных волос, сквозь которые просвечивал похожий на земляного червя багровый шрам. Со времени операции волосы почти перестали расти. Не помогали ни специальные шампуни, ни длительные втирания касторового масла в скальп.

– Посмотри пока телевизор. Я согрею котлеты. – Тяжело поднявшись, она затянула пояс махрового халата, из-под которого торчал бежевый подол ночной рубашки, расшитый легкомысленными ромашками.

– Одни мы с тобой остались, Мирза. Все нас бросили. Два старых дурака, – вздохнула Сара потерянно и стала убирать со стола тарелки с остатками супа, потом вдруг замешкалась, опять посмотрела на брата поверх очков, спросила с сомнением:

– Все-таки хочешь ехать на дачу? Скучно тебе здесь? Я же вижу. На Новруз не поехали. Может, и сейчас не стоит? Подождем, пока потеплеет. Там сейчас сыро, имей в виду. Вдруг еще заразу подхватим? Умрем там и не найдет нас никто...

– Поехали! – оживленно кивнул в ответ Мирза Халил и, хотя голос его звучал по-стариковски сипло и неуверенно, Сара обрадовалась.

Тем временем нордическая блондинка в шальварах, уже успевшая в соответствии с релятивными законами телевизионного времени забеременеть и даже выносить для бородатого будущего наследника престола, широко металась по кровати в окружении повитух и статистов.

В котлетах оказалось слишком много чеснока.

Дом стал выше на целый этаж, да еще и обзавелся мансардой под новой треугольной крышей. Открытую веранду частично разобрали, залили бетоном и выдвинули вперед, ближе к высокошему тутовнику, но перил все еще не было. Щурясь на разорванную цепь пушистых облаков, Мирза Халил пытался угадать, нет ли среди них того, похожего на гигантскую рыбу, которой так боялся чудной изобретатель с соседней дачи. Еще не ожившие виноградники в дальнем углу двора тонули в косой тени от высокой каменной ограды.

– Заноси вещи в дом! – окликнула его Сара, управившись, наконец, с замками. Дверь тоже была новая. Мирза Халил оставил облака в покое и послушно пошел к веранде, пружиня кроссовками по неровностям холодного песка.

В доме было промозгло.

– Сейчас, – сказала Сара, спустив на подбородок голубую медицинскую маску, – включу комби, пусть греется. Ты пока отнеси сумки.

Не доходя до кухни, обнаружил он свежий дверной проем в стене, прикрытый импровизированной дверью из прямоугольного куска фанеры с карандашными замками. Оставив сумки на полу, отодвинул он задвижку шпингалета и, подцепив пальцами край двери, у которой не было ручки, открыл ее на себя. За ней оказались цементные ступени в два коротких пролета, дохнуло на него сверху запахом строительной пыли. Потоптавшись на месте, поднялся он на несколько ступеней вверх и, вытянув шею из кашне, стал оглядываться по сторонам. Второй этаж был закончен вчерне, то есть разделительные стены уже были построены и отштукатурены, в окна

вставлены стеклопакеты, и даже был виден темно-синий кафель в ванной, но до завершения все еще было далеко.

– Мирза? – окликнула его снизу Сара, просунув голову в дверной проем. – Спускайся оттуда немедленно, свалишься! Давай, давай, нечего там делать! Грязь кругом... Это все Эльмара дурацкая затея. Еще один этаж им срочно понадобился. Ну, копия этого кретина Мурадова! Может человек оказаться настолько похожим, а? Загорелся, все мозги сделал... материал, мастера, столько сюда денег угрохали! Я ж тебе рассказывала! На чердаке он своей мадам фитнес-студию собирался делать. Потом взял – бросил все наполовину! Теперь даже не ездит сюда. А как напоминаешь ему, начинает орать. Это все она сбивает его с толку. «На даче, Сара-ханым, скучно... Мы хотим путешествовать...». Не сидится ей на месте, понимаешь, шило у нее в толстой заднице! Мне никогда скучно не было, а ей скучно... Спускайся, Мирза, хватит там стоять. Я пока пойду разложу продукты, протру там все, а ты, если хочешь, выйди на воздух. Только маску не забудь. Я вчера читала, эта гадость семьдесят два часа в воздухе остается... Слушай, Сима прислала мне статью: уже точно доказано, что вирус от телефонных вышек. Пять Джи называется. Вышки посылают сигнал, от которого эта гадость усиливается. Так-то она не опаснее гриппа. А с этими вышками – хуже чумы. Оказывается, это англичане начали. И летучие мыши тут ни при чем. Правда, они не знали, что такой эффект получится, но теперь куда уже! Весь мир на ушах. Вот и приходится все скрывать. Уже трех журналистов убили, которые все это разоблачили. Очень просто – устроили им аварию. Помнишь, как Диане с этим арабом? Ты только посмотри на эту королеву – двести лет ей, а во все лезет и лезет! Не успокоится никак! Откуда только силы берутся, спрашивается! ...Ну, да, не зря же их молодят стволовыми клетками! Вон Путин, уже лицо не двигается, глаза заплыли...! Холодно не будет тебе? Укрой шарфом горло и не вздумай куда-то уходить...

Согласно мобильному, температура воздуха была плюс семь.

На веранде пододвинул он плетеное кресло ближе к краю, сел, вытянул ноги в сторону мертвого тутовника. В последний раз дерево было запеленато, как в саван, паутиной. Теперь же на нем не было видно ни одного арахнида. То ли весна выдалась холодной, то ли вирусный год оказался для них неподходящим. Однако после трехнедельного заточения в квартире этот бесплодный прямоугольный двор перед скучным домом с недоделанным вторым этажом показался Мирзе Халилу островком безопасности в безнадежно зачумленном мире. Подумав, он спустил с носа маску и глубоко втянул нездрым прохладный, сырой и чуть пахнувший далеким морем воздух. Кресло было неудобным, но даже несмотря на это, уронив голову на поднятый воротник куртки, он постепенно задремал под доносившиеся из кухни громыхание посуды и бесконечный монолог сестры Сары.

Дремал он, однако, недолго. Она бесцеремонно растолкала его минут через пятнадцать, когда за закрытыми веками Мирзы Халила – впервые за многие месяцы после того, как хирург выковырял из его лобной доли остатки опухоли – забрезжили очень смутные, эфемерные образы, еще настолько невнятные, что был это даже и не сон, а больше предчувствие его. Натянув маску обратно ему на нос, сказала Сара, уткнув руки в бока:

– Ты представляешь, мы все взяли, а хлеб забыли! Я же говорю, старческий маразм! Причем один на двоих. Альцгеймер! И кофе тоже забыли. А как утром без кофе? Я даже в туалет не смогу пойти нормально... Ты же знаешь, у меня склонность к запорам. Вставай! Пойдем в поселок.

Мирза Халил вопросительно посмотрел на нее.

– А что ты предлагаешь? Есть другие варианты? Вставай, вставай!.. Перчатки я привезла, быстро ходим и вернемся. Жалко бахилы кончились. Ничего, кулками обернемся. Тут в конце улицы новый маркет открыли, там все есть. Теперь и в центр идти не надо. Заодно оплачу мобильный и свет. Слышишь?..

Вышли они осторожно за ворота. В масках, в защитных очках, как у водолазов, в черных резиновых перчатках, в башмаках, в несколько слоев обмотанных кульками, зафиксированными для надежности скотчем. Подозрительно огляделись и, шуруша целлофаном, пошли краем безлюдной улицы, прижимаясь друг к другу, но молча, чтоб поменьше дышать отравленным воздухом. Дачи стояли без признаков жизни. Над крышами причудливыми гребнями висели монотонные облака, насыщенные электричеством и влагой. С утра они успели потемнеть, грозили вот-вот пролиться опасным дождем, искрились молниями. Ожившие с весной колонии мха светились токсичной зеленью у оснований столбов электропередачи и на камнях рядом с новыми мусорными баками. Оба шли быстро, но Мирза Халил все равно не поспевал за сестрой, из-за чего она все время оглядывалась и шипела на него.

На кривом перекрестке машин не оказалось, зато в нескольких метрах вверх по улице, у брошенного на обочине каркаса «Жигулей», сидели четыре крупные дворняги. У одной из них, черной, как смоль, с кудлатой головой, правый глаз был затянут розовой пеленкой. При их появлении соскучившиеся по людям дворняги радостно оживились. Одноглазая поднялась на ноги. Подхватив Мирзу Халила под руку, Сара потащила его через перекресток к воротам заброшенного пионерского лагеря на другой стороне улицы. Дворняги проводили из недоуменными взглядами.

Кроме них, в «Боллуг-маркете» оказался еще лишь один покупатель – плотный мужчина в белом спортивном костюме и лыжной шапочке. Нижняя часть лица его, в соответствии с пандемическим этикетом, была прикрыта самодельной маской, и все бы ничего, если бы не его явно азиатский прищур. Оставив Мирзу Халила у холодильника с водой и терминалами оплаты, Сара брезгливо проскочила между азиатом и кассой и стала метаться по рядам в поисках кофе, по ходу набирая в корзину что-то еще.

– ...прибалтийский есть? ...нет, нет, это российский... прибалтийский в такой желтенькой упаковке... – слышал Мирза Халил ее успокаивающую скороговорку у прилавка с сырами.

– Вы про этот говорите, ханым...?

– Нет!.. Нет... там девушка должна быть нарисована...

– ...есть вот такой...

Азиат заплатил за бутылку нефilterованного «Хырдалана» и направился к выходу. Вытянув шею, Сара проследила за ним до двери, и когда, звякнув колокольчиком, он, наконец, вышел из магазина, набросилась на очкастого за прилавком:

– Зачем вы сюда китайцев пускаете? С ума сошли, что ли? Весь мир от них прячется, а вы их к продуктам подпускаете! Вдруг он тоже с коронавирусом! Может, он тоже мышью ел!.. Откуда он здесь вообще взялся?

– Ханым, это не китаец, – стал оправдываться очкастый, – это туркмен, мы уже выясняли.

– Участковый проверял, – встряла в разговор кассирша.

– Он сказал, а вы поверили! Может, врет...

У кассирши, насколько позволяла видеть маска, были выразительные черты лица с хорошо обозначенными скулами. Но больше всего ему понравились ее светлые глаза с заметным зеленым отливом. Повинуясь внезапному импульсу, Мирза Халил подошел к кассе, смущаясь спросил себе сигареты.

– Какие? – Голос у нее был тонкий, девичий. Мирза Халил поднял голову, разглядывая сигаретные пачки в прозрачных плексигласовых диспенсерах над кассой. Ткнул наугад в черную коробку с золотым обрамлением.

– «Собрание»?

– Мирза... – окликнула его из глубины магазина Сара, – ты на месте? Ничего не трогай!

Пока кассирша пробивала сигареты, Мирза Халил достал из портмоне 5-ма-

натную купюру и торопливо опустил липнущую к резиновым перчаткам пачку в карман куртки. Кассирша отсчитала сдачу.

– Что ты там делаешь? – появилась Сара с корзиной, стала выкладывать продукты на ленту. Не отвечая, он отступил назад к терминалам оплаты.

На кассирше была канареечного цвета кофта. Запястья у нее были тонкие, с просвечивающимися венами.

– Возьми оттуда две бутылки воды. Хочешь, возьми сразу три...

Идти с покупками было тяжело. Мирза Халил тащил воду. И опять, шурша кульками на ногах, они семенили краем пустой улицы, только уже в обратном направлении. Облака заметно сгрудились, опустились ниже, отчего прямоугольные тени от каменных оград сделались резче и темнее.

– Что это ты там покупал...? – буркнула ему недовольно Сара, хотела добавить что-то еще, но осеклась, вспомнив об отравленном вирусом воздухе. Переложив тяжелый пакет из правой руки в левую, Мирза Халил незаметно нащупал в кармане широкую пачку сигарет.

Дворняги ждали их, вольготно развалившись в центре перекрестка.

– Сверху пойдём...бешеные... – процедила сквозь зубы Сара, потянув его за собой. Однако Мирза Халил вырвал рукав и, не обращая внимания на ее протестующее шипение, зашагал прямо на собак. Черная с затынутым глазом вскочила на лапы, наклонила набок морду, оскалилась. За ней последовали остальные.

– Мирза!.. Нападут... ты что! – кричала растерянно Сара, топчась на месте. Не сбавляя ходу, он поднял вверх сумки с бутылками, черная, щелкнув зубами, отпрыгнула назад.

– А ну пошли отсюда!.. – гаркнул Мирза Халил. Мотая оскаленной мордой, черная, сдав позиции, отбежала прочь.

Остаток пути они прошли без приключений. Прежде чем занести продукты в дом, Сара протерла каждую упаковку санитайзером.

В четверть первого, дождавшись окончания очередной серии про бородатого, Мирза Халил допил чай, заел его узбекской курагой и резко поднялся с дивана. Сара отняла трубку от уха:

– Налить еще?

Он отрицательно покачал головой.

– Если хочешь лечь, я тебе уже постелила ...

– Подышу, – сказал он, снимая с вешалки куртку. Придерживая плечом трубку, Сара подняла ему змейку до самого верха.

Он спустился с веранды на холодный песок, перерезанный желтушным светом из окон дома. Постоял недолго, взглядываясь в глубину темного двора, слушая свое тяжелое дыхание в повязку на лице, потом пошел налево, вокруг дома, туда, где из-за ограды был виден соседский участок. Дождь так и не случился. Но, судя по отсутствию звезд, небо было все еще обложено до самого горизонта. Песок предательски хрустел под ногами, в остальном во внешнем мире царил подозрительная прохладная тишина, по-прежнему наэлектризованная, насыщенная озоном и запахом пробуждающейся весенней растительности. За углом дома, куда не попадал свет из окон, было темно. Остановившись, Мирза Халил нашарил в кармане сигаретную пачку, достал ее, обер носовым платком, распечатал. Все еще в сомнениях спустил он повязку на подбородок, ткнул в высохшие губы сигарету, ощущая себя почти преступником, извлек из кармана брюк похищенный ранее в кухне коробок спичек, чиркнул одной, осветив на мгновение шипящей магниевой вспышкой темный угол, и, наклонив голову, прикурил. Брошенная под ноги спичка, описав короткую траекторию, погасла. В темноте остался висеть веселый оранжевый уголек на конце сигареты. Опасливо втягивая в легкие табачный дым, Мирза Халил ожидал, что закашляется, поперх-

нется, но ничего этого не произошло, лишь прилила горькая слюна, а через секунду или две пьяно зашумело в голове.

Мирза Халил докурил сигарету почти до фильтра, огляделся по сторонам и перебросил тлеющий бычок через ограду соседской дачи. Чтобы Сара не почувствовала запаха, была у него с собой курага. Он еще только завернул за угол, когда услышал, как распахнулась входная дверь и, хлопая шлепанцами, на веранду вышла сестра:

– Мирза, ты где?.. Мирза?.. Сейчас, Симочка, – сказала она кому-то вполголоса, – посмотрю, куда он девался. Верись, дорогая, на пять минут оставить невозможно... Да, да, да... Точно! Мирза?.. Мирза!..

Приближаясь к веранде, он помахал ей рукой.

– Что ты там делал? Там же темень такая! Иди домой уже... Сима тебе привет передает! – продолжив разговор с подругой, она вернулась в дом.

Не раздеваясь, Мирза Халил прошел в ванную, снял зубные протезы и начал промывать их под теплой водой.

– Спать собрался?.. А чего ты в куртке? – возмущенно спросила Сара с порога ванной, продолжая говорить по мобильному. – Нанес в дом заразу!.. Сил моих уже просто нет, как ребенок, клянусь... Ты не представляешь, Симочка, целый день за ним хожу. Как за маленьким! ... Не говори! Судьба у меня такая! Вначале с Эльмаром молодость загубила...

Продолжая чистить, Сара стала сдирать с Мирзы Халила куртку.

– ...таблетки не забудь принять! ... Да, да, точно! Какие еще летучие мыши! Глупости сплошные! Тысячи лет эти мыши кругом летали, и никто не болел! В Таиланде, вон, червей жрут, и что? Никакой эпидемии! Конечно, безобразие, но при чем тут вирус? Ясно же, что все это, чтобы этого дурака Трампа не переизбрали! Я тебе послала видео, смотрела? Утром сегодня, ага... Этот экономист все объяснил в деталях, видно же, что человек грамотный...

Постель была чуть влажная от сырости, неприятная. Мирза Халил запил последнюю таблетку из бордовой облатки водой и откинулся на подушку. За дверью спальни продолжала бубнить в телефон Сара. Вздохнув, он прикрыл глаза. Тело его еще не вполне расслабилось, дыхание еще не сделалось ровным, а он уже почувствовал, что этой ночью ему непременно что-то приснится.

2

Вначале увидел он пуделя. Седой и старый, каким был незадолго до смерти, был он, однако, весел и радостно обнюхивал те самые кусты жимолости, под которыми его и схоронил Мирза Халил. «Иди, иди ко мне!..» – позвал он его во сне. Виляя задом, пудель подбежал к нему, кудрявый, теплый, знакомо пахнущий мокрой шерстью, и в приливе охватившей его нежности он обнял собаку за шею. Пудель тер шершавым языком его руки, тыкался в него носом, так что растроганный Мирза Халил даже прослезился во сне. Там, где находились они с собакой, ярко светило солнце. Слепило, но не жгло. Его было просто много. Оно сверкало в каплях росы на изумрудном газоне, устилавшем невысокие холмы, как на рекламных постерах. «Собачий рай!» – догадался Мирза Халил, оглядываясь по сторонам. Седой пудель радостно вился возле его ног в новых кроссовках, пока он неспеша, без цели шел по траве, вспугивая «капустниц» с фиолетовых головок клевера.

«Неплохо устроился, – сказал ему Мирза Халил. – Главное, чтобы не выгнали».

Как это бывает во снах, сам того не заметив, он оказался на вершине одного из холмов. Здесь было заметно прохладнее. Внизу, подернутый голубоватой дымкой, топорщился ветвями густой мрачный лес, к которому от подножия холма вела неширокая тропа. Пудель вдруг наострил уши, залился бешеным лаем и, сорвавшись с

места, как оглашенный, бросился вниз. Тут только Мирза Халил и разглядел на тропе дворняг, бежавших рысцой в сторону леса. Черный, как всегда, впереди.

«Стой! – растерянно крикнул он. – Стой!». Зная, что этого не следует делать, Мирза Халил, тем не менее, побежал вслед за собакой.

...в лесу пришлось продираться сквозь кусты, перелезая через овраги, полные черной, как мазут, воды, из которой торчали остовы мертвых деревьев. Здесь почти не было света, и земля под ногами была мшистая, скользкая. Преследуя белеющий между стволами силуэт собаки, он бежал, выставив перед собой руки, отбиваясь от колючих ветвей, почти вслепую, целиком положившись на логику сна, ведущую его сквозь эту воображаемую чащу к чему-то, несомненно, безумному, жуткому.

...Удивляясь своей прыти, он ловко перескочил через рогатую корягу, приземлился на железный люк, для маскировки присыпанный сверху палыми листьями. Будучи опытным сновидцем, он уже понял, что случится дальше, попытался прыгнуть еще раз, в сторону, но люк провалился под ним вовнутрь, и он полетел в черный колодец, на дне которого фосфоресцировала теплая зловонная вода станции. Вода кишела рыбами, в водорослях, прядями свисавших со стен, извивались морские гады. Барахтаясь, он поднял голову, увидел в отверстии люка опухшее лицо ССР. Где-то в толще воды под ним включился пульсирующий красный свет. Люк задраили, с лязгом стала опускаться цепь, вода вокруг закипела, забурлила, стала кругами уходить в черную трубу на дне, увлекая за собой захлебывающегося Мирзу Халила, рыб и змей.

...Он вынырнул в залитом котловане рядом со старым домом. Лес с пуделем пропал. Снова светило солнце. Неподвижно, опустив башню, стоял оранжевый «Като». В воде плыло отражение бирюзового неба и бетонных колонн с арматурой.

«Котлован соединен со станцией! – сообразил он, оглядываясь по сторонам. – Как же я не догадался раньше! Вот, суки, придумали...»

...Выбрался он из воды неожиданно легко. Просто вскарабкался по насосным шлангам. В этой части сна тело его окончательно сделалось легким, как в молодости, и, подтягиваясь на ребристых шлангах, он не чувствовал ни одышки, ни старости, а только приятное напряжение в бицепсах, словно опять лез вверх по канату на уроке школьной физкультуры. Единственная неприятность была в том, что перед домом на скамейке его ждала покойная супруга. В бесформенном пиджаке, несмотря на палящее солнце, с некрасивой сумкой на коленях, она уже издаലെка возмущенно качала ему головой. Мирзе Халилу показалось, что она осветлилась.

«Вечно ты во что-нибудь вляпаешься! – сказала она скорее с сожалением, чем назидательно, прикрывая глаза ладонью от солнца. – Где ты был?»

«Упал», – сразу же соврал Мирза Халил.

«С чего это ты так коротко постригся? Тебе не подходит. Совсем. И поправился тоже, живот вон торчит. Пьешь?»

«Не растут после операции», – объяснил он обиженно, проведя рукой по мокрым волосам.

«Да, – вздохнула она, – не растут. И у меня тоже».

«Ты осветлилась, что ли?»

Смущенно улыбаясь, она приподняла волосы рукой, как шапку, показав чуть опушившийся голый череп:

«Это же парик, забыл? После химии. Все ты забыл про меня...»

Мирзе Халилу стало неловко. «Неужели даже после смерти не отросли?» – подумал он с волнением. Ему вдруг стало невыносимо жаль эту нелюбимую женщину.

«Иди домой, Мирза, тебя ждут давно».

«А ты?»

«Что мне там делать? Я лучше здесь посижу. Витамин Д».

«Кто ждет?»

«Иди, иди!..»

Не зная, можно ли доверять покойнице, Мирза Халил вошел в сумрачный подъезд.

«Сара так и не научилась готовить, передай ей... И вообще – дура!..» – крикнула ему вслед жена.

Подъезд выглядел так, как если бы дом был все еще жилой. На дверях висели таблички, из почтовых ящиков торчали газеты и жировки.

...Его действительно ждали! В гостиной был накрыт стол с крахмальной ска-тертью, на кухне суетились покойная мать, какие-то женщины, и вообще в квартире было полным-полно разряженных покойников. Некоторые уже чинно сидели за столом, другие толпились по углам, курили и сплетничали, пахло тушеной бараниной и долмой из виноградных листьев. При появлении Мирзы Халила покойники оживились, бросились к нему поздравлять его с чем-то, настойчиво полезли с поцелуями.

«Если бы не вирус, так бы и не увиделись!» – хлопая его по плечу, хохотал давно забытый дядька, любивший при жизни вареные яйца. Рыжие усы его топорщились, как у таракана. Тотчас где-то в коридоре, за спиной, вживую грянула мелодия «Вагзалы», и под вой кларнета из родительской спальни безымянные мамки и тетки с зеркалами, перевязанными красными лентами, вывели невесту под фатой. Тут Мирза Халил наконец и сообразил, что это его свадьба. В ужасе он посмотрел на свои мокрые брюки, из-под которых позорно торчали кроссовки с налипшими комьями красной глины. Прильнув к матери, Мирза Халил шепнул ей на ухо: «Надо переодеться, мама...».

«Раньше надо было думать! – сердито ответила она. – Где тебя носило? С утра ждем!»

«Невеста уже два раза в туалет ходила! Горшок ей пришлось носить, не снимать же платье! Зассыха!» – наябедничала Сара – еще молодая, мордастая, с ужасными колбасными косами.

«Мама, вечно он нас позорит! Из-за него ко мне никто не сватается! Так и останусь в девках...»

«Мурадов...» – попытался успокоить ее Мирза Халил.

«Пропади он пропадом, твой Мурадов...!» – зашипела в ответ сестра, едва не выронив из рук фаллическую головку сахара в синей обертке.

Он попытался еще что-то сказать, но его уже потащили к невесте. Одна из теток торжественно, как фокусник, откинула фату с ее лица, и Мирза Халил, слегка опешив, узнал светленькую кассиршу из «Боллуг-маркета». Кассирша стояла скромно, как и положено невесте, опустив густо подведенные глаза, при этом рот ее был прикрыт голубой медицинской маской.

«Ты тоже маску надень», – тихо сказала мать.

«Вдруг она заразная!» – влезла Сара.

...Проснулся он в синих предрассветных сумерках, мокрый с ног до головы, так что сначала даже решил, что, как невеста из его сна, грешным делом обмочился. И майка, и пижамные брюки, и подушка с одеялом – все пропиталось потом. Стараясь не шуметь, он спустил поочередно ноги на пол, сел и, потрянув головой, поглядел в зарешеченное окно в глубине темной комнаты, за которым темным силуэтом неподвижно стоял тощенький кипарис. Посидев так с минуту, Мирза Халил поднялся. Из-за влажной майки его стало чуть знобить. Он стянул со стула клетчатый плед и завернулся в него. Достал из кармана брюк сигареты.

Не надевая протезов, Мирза Халил курил в открытую форточку на опрысканный ночным дождиком кипарис, наблюдая за тем, как на фоне светлеющего над городской оградой неба носится пара быстрых ласточек.

– Мирза, вставай! – широко зевая, вошла в комнату Сара. – Что будешь на завтрак?

Увидев разобранную постель, она потянулась, хрустнула суставами, вздохнула и стала ворчливо взбивать подушки.

– ...ты посмотри... так вспотел... и пододеяльник тоже! Мирза, ты где? Ты что, всю ночь бегал, что ли, не пойму я... Нет, это все надо стирать уже! – она решительно содрала наволочку и бросила ее на пол. Следом полетела простыня.

Выйдя с ворохом белья в коридор, она подошла к двери ванной, постучала:
– Мирза?

Ответа не последовало. Сара постучала еще раз.

– Тебе плохо? – тревожно спросила она. Швырнув белье в плетеную корзину в углу, она толкнула дверь ванной. В ванной было темно и сухо. Шаркая тапочками, Сара проверила кухню и столовую. Наконец, сообразив, вышла на веранду, встала на краю, уткнув руки в бока, и, щурясь на утреннее солнце, стала оглядывать двор в темных пятнах от прошедшего дождя.

– Куда он девался? – спросила она беспомощно, чувствуя, как ее начинает захлестывать паника. – Мирза!

Подтянув поясок халата, Сара сошла с веранды на застывший коркой песок и торопливо пошла к воротам. Дверь была заперта изнутри.

– Мирза! – крикнула она во весь голос.

Он высунул голову в узкое оконце мансарды.

– Что ты там делаешь? – заверещала она, пятясь задом во двор. – Чуть до инфаркта не довел! Почему опять без маски?

Запеленутая паутиной ветка мертвого тутовника кольнула ее в спину, она оглянулась и отпрянула. За ночь тутовник весь опять оказался оплетен густой паутиной. Крошечные арахиды деловито сновали по всей кроне, заканчивая работу.

– Ой! Ты видел это?

Мирза Халил не ответил.

Сверху дачный поселок был похож на недостроенный лабиринт, вход в который был схематично обозначен полузаброшенной станцией электрички, а центром в таком случае, насколько можно было судить из чердачного окна, оказывалась эта самая дача. Достав из кармана телефон, он выбрал камеру и, прицелившись, сфоткал лабиринт в ракурсе. Фотография против солнца получилась нечеткая, с размытыми деталями, но при этом темные контуры улиц и пустырей явно складывались в какой-то замысловатый китайский иероглиф. Иероглиф как бы состоял из двух частей. Первая выглядела как древесная ветка. Начиналась она длинной линией под небольшим углом наверх – улица от станции до санатория, от которой где-то в середине почти перпендикулярно ответвлялась линия вниз, к базарной площади. Точно так же перпендикулярно от нее, в свою очередь, отпочковывались залихватская загогулина, похожая на выгнутую цифру 1, и уже ближе к концу – небольшой тупичок вроде штриха. Вторая часть иероглифа напоминала сочетание плавных латинских L и Y. Причем окончание L упиралось в ворота дачи. Он попытался сфотографировать еще раз. Результат получился такой же.

Мирза Халил задумчиво посмотрел вниз, на сестру в маске, как бы прикидывая, годится ли она на роль Ариадны.

– ...какая гадость! Ну сколько раз говорила, убрать это дерево отсюда! Никто никого не слушает... Все умные, одна я дура! Сходи оттуда немедленно! В городе за тобой хоть бегать не надо... Сегодня же вернемся...

– Сара, ты знала, что Минотавр и Ариадна были брат и сестра?

– Чего?

Над лабиринтом, до самой станции, неподвижно висела золотисто-голубая

дымка.

– Я спрашиваю, кто купил дачу изобретателя?

– Придурка, что ли?

– Придурка.

– Никто! Она за нее двести тыщ просила. Я думала, у нее только муж идиот, а это, оказывается, семейное. И мальчик тоже с приветом. – Сара-Ариадна суеверно потянула мочку уха. – Родила от дебила. Кто, спрашивается, за такие деньги возьмет? Сейчас и за 150 не найдешь никого.

– Значит, пустует?

– Летом дачникам сдает. Сходи оттуда!

– Там у них, оказывается, дверь. Раньше, вроде, не было.

– Какая еще дверь?

– С правой стороны... выходит на дорогу.

– Всегда была. Это придурок сто лет назад прорубил, чтобы на море ходить было ближе... Сходи!

Обмакивая хлеб в желток, Мирза Халил многозначительно молчал, просматривая на телефоне китайские иероглифы.

– В этом Нью-Йорке просто ужас какой-то! – цокая языком и качая головой, переживала Сара. – За одну ночь еще три тысячи померло! Я не понимаю, как это может быть вообще! Что за врачи у них? Умирают и умирают, неужели ничего нельзя сделать?

Сара отхлебнула кофе из розовой чашки с Микки Маусом.

– Говорю тебе, это все от еды их дурацкой! Не питаются же нормально. Сколько можно есть эти гамбургеры! Деля рассказывала, помнишь Дилияру-ханум?

Мирза Халил подцепил вилкой остатки глазуньи и отправил их в рот.

– Моя заведованием в «пятой»? У нее сын с семьей в Техасе. Нефтяник. Деля постоянно ездит. Говорит, кругом одни гамбургеры. Пицца и гамбургеры. И картошка...

– А долмы нет?

– А что плохого в долме? Разве можно сравнивать? Где долма, а где гамбургер! Я в яичницу имбирь добавила, чувствуется? Говорю тебе, в еде все дело! Еда – это самое важное. Плюс генетика, конечно. Эти же женятся на ком попало... Не смотрят! Черные, голубые, индусы опять же... Ты смотри, сколько у них уже умерло, а у нас... тьфу-тьфу, не сглазить, – она постучала костяшками пальцев по столу, – сколько там? Одиннадцать...? Двенадцать...? И то все диабетики. Они и без вируса не сегодня-завтра померли бы...

– Врут.

Сара глотнула еще кофе, посмотрела на брата:

– Думаешь, все-таки врут?

– Врут.

Сара вздохнула:

– Уже не знаешь, чему верить! Вирус, вирус, вирус... Чокнутая Малышева по телевизору говорит: «Никакого вируса нет». И на фейсбуке пишут: в Италии, говорят, на самом деле никто не умирает, все фейк. Специально всех запугивают, раздувают. Я тоже так думаю. Неужели не видишь? Какая, на фиг, пандемия! Вранье одно сплошное! За всем этим стоит поганец Билл Гейтс! Он уже пять лет этим занимается. Манипулирует. Миллионы тратит, сволочь!

– Зачем?

– Чтобы чипировать всех подряд! Всем в обязательном порядке будут вживлять чип. Типа для твоей же безопасности. И без этого чипа никуда невозможно будет выйти. Михалков сказал. Вживлять будут...

– В задницу?

– Почему в задницу? – возмутилась Сара.

– Чтобы доставать было сложнее.

– Ты шути, шути! А как тебе чип вставят – все! Станешь как робот. Будут пультом тобой управлять. Куда идти, чего есть... В Интернете подписи собирают, чтобы его посадили, гада. Я тоже подписалась. И ты подпишись...

– С нами у Билла ничего не выйдет, – мрачно сказал Мирза Халил, – мы задницы водой моем. Чип сгорит. Тем более, если в воду имбирь добавить. Видимо, он поэтому в цене поднялся...

– Э-э-э! Хватит глупости болтать! Это все серьезно! Ты посмотрел видео, которое я тебе послала? На ватсапе? Я, считай, всю ночь не спала после этого! Такой ужас! Такой ужас!

– Про чип?

– Да при чем тут чип! Чип – ерунда! Этот известный вирусолог, забыла, как его зовут, Андрей? Сергей? ...Неважно. Короче, к нему попало секретное досье. На английском и украинском. Там черным по белому расписан весь план. Вирус разработали в трех секретных лабораториях. В Бостоне, Ухане этой проклятой и Ростове. Сейчас запустили первую часть плана. Объявили пандемию, всех заперли по домам. Напугали. А дальше карантин ослабят, люди вернутся на работу, и тут они выпустят вторую порцию вируса. Осенью! Вторая волна, понял? Уже говорят об этом. Вторая волна будет хуже, Мирза. Намного хуже. Многие умрут, начнется паника, и тут появится вакцина. У них уже все готово. Вакцину сделают обязательной. Всем подряд. И бесплатной, самое главное. А кто будет отказываться – отправят в специальные лагеря. У них уже и концлагеря готовы! Прикол в том, что вакцина – на самом деле никакая не вакцина, а специальное средство, которое будет убивать постепенно. В течение шести-семи месяцев! – У Сары от волнения запотели стекла очков.

– ...но убивать она будет не всех подряд, а выборочно. Это все сделано, чтобы уменьшить население! Останется только «золотой миллиард»! Самые богатые, продвинутые. Планета же перенаселена, кризис, всех прокормить невозможно. Ресурсов не хватает. Одних этих китайцев вонючих полтора миллиарда – кому что хватит? И ведь плодятся, как собаки. Тут одного ребенка пока родишь, на ноги поставишь – поседеешь вся, а они десять штук рожают, и ничего! Этот Андрей или Сергей сам был в Ухане. Все видел своими глазами...

– Собак свеживал?

– Каких еще собак! Он военный вирусолог! Человек с фактами на руках говорит! Вакцина будет убивать старых, больных, черных всяких, индусов – короче, всех бесполезных.

– Ну, а ты чего беспокоишься, ты же вроде не индус?

– Дурак! Мы с тобой старые! Что тебе непонятно?! Зачем мы им нужны? Уколют нас и все, через полгода – инсульт. Скончался от естественных причин. Это же ужас, Мирза! Это фашизм какой-то получается. Голова кругом идет! ...Ты наелся? Что-нибудь еще дать?

Мирза Халил поднялся из-за стола, взял стакан с недопитым чаем и направился к входной двери.

– Опять без маски? – сварливо спросила Сара.

– Во дворе можно.

Он вышел на веранду, сел в плетеное кресло, поставил стакан на пол и закурил. Полуденное солнце висело над самым центром двора. Пробиваясь сквозь слои паутины, свет его проецировался на цементные полы веранды то ли спирально закрученными цепочками ДНК, то ли китайским иероглифом.

– Ты что? – воскликнула Сара, глядя округлившимися глазами на почти докуренную сигарету у него в руках. Мирза Халил не ответил. – Когда это ты успел? Нет, этот человек точно чокнулся...

Она потерянно хлопнула в ладоши и попыталась вырвать у него сигарету. Мирза Халил молча отвел руку в сторону.

– Где ты это взял... Мирза! – чувствуя в ее голосе нотки отчаяния, он со вкусом затянулся в последний раз и бросил окурочек на песок.

– Это уже просто безобразие! – верещала Сара. – Что это с тобой происходит? Ты же сохнешь от этого раньше, чем от вируса...

Не обращая на нее внимания, он допил остывший чай.

– Ты принял лекарства? – надрывно спросила она. – Это точно «актовегин»! Не надо было мне его тебе давать! Сима предупреждала! У тебя, видимо, началась от него гиперхлоремия... Надо померить давление. Ты все время хочешь пить, так? Вот почему ты так вспотел! Завтра утром возвращаемся в город! Там все-таки безопаснее. Все! Я дура... Нет, сегодня и вернемся! Я сейчас позвоню...

– В город нельзя, – спокойно сказал Мирза Халил.

– Почему?

– Будут насильно вакцинировать. И чипировать. Здесь отсидимся.

– А тут, что, нет?

– Здесь не достанут, – отрезал Мирза Халил.

Сара испуганно посмотрела на брата.

– Здесь у нас лабиринт. Никто не пройдет. Ни заразные, ни врачи-вредители. Едой надо запастись. И главное – из лабиринта не выходить.

– Мирза...

– Будем кипятить воду или замораживать. Замораживать, по-моему, лучше.

– Ты серьезно?

– Не беспокойся, я тебя никому не дам вакцинировать. Забаррикадируемся так, что никакая ВОЗ, никакой министр здравоохранения нас отсюда не выкурят. Главное, меня слушай...

– Гиперхлоремия! – в отчаянии прикрыв рот руками, выпалила Сара.

3

О запрете выходить на улицу без SMS они узнали не из новостей.

Когда позвонил Эльмар, Сара разделявала курицу на кухонном столе. Судя по настроению, Эльмар был не сильно озабочен вынужденным заточением в гостинице и регулярно выпивал с Мурадовым и коллегой из Минздрава.

– Доигрались! – испуганно голосила Сара. – Что теперь будем делать!

Мирза Халил молча отобрал у нее телефон.

– ...как в тюрьме...

– Эльмар...

– ...все с ума сошли...

– Дядя, – пьяно кричал племянник в трубку, – дядя, жалко, тебя здесь нет! Хорошие ребята подогнали «Джек Дениелс».

– ...проклятый Билл Гейтс... – стенала Сара.

– На здоровье.

– ...с голоду сохнем! А лекарства как? Ой, мамочки...

– Не представляешь, как я рад тебя слышать! А то уже думали, у тебя и вправду крыша поехала...

– ...чтоб им эти мыши поперек горла встали...

– Дядя! Дядя, папа тут хочет чего-то сказать... передаю...

– Тоже мне – «папа»! – яростно фыркнула Сара, швыряя куски курицы в дуршлаг. – И не стыдно!

...Шатер получился, пожалуй что, слишком высоким. Распиливать половые доски и толстые стропила старой крыши было лень, так что сложил он их, как полу-

чилось, и когда огонь, наконец, занялся, разгорелся по-настоящему во всю силу, оранжевые языки его оказались чуть ли не вровень со вторым этажом. Полыхающее дерево гудело, стреляло вверх длинными снопами искр. И хотя костер он сложил на приличном расстоянии от дома, подтянул Мирза Халил поближе садовый шланг.

Солнце давно уже ушло к горизонту, расплылось там тонкой розовой полоской. На фоне темнеющего неба пламя становилось ярче, постепенно обретая объем и глущину, всасывая в себя зачумленный воздух. Снес Мирза Халил вниз плетеное кресло, сел, вытянул ноги.

– Сара! – позвал он сестру. – Сара!..

Она выскочила на веранду, ошалевшая спросонья, опухшая, цепляя на ходу на нос очки, заверещала:

– Пожар, Мирза, пожар! ...Что случилось?

– Воздух очищаю от заразы, – объяснил он. – Посидим у костра, как раньше с папой?

– Да что ты опять придумал? На полчаса только прилегла... Дом сожжешь!

– Поставь чайник.

...Стемнело, а они все чаевничали у догорающего костра. Вечер был теплый, но Сара все равно принесла пледы. Над паучьим тутовником взошел яркий Сириус.

– ...так сделаем, с утра пойдем в маркет, не арестуют же нас, в конце концов! Быстро пойдем и вернемся. Я составлю список. Мешок муки нужно взять. А вдруг там уже полиция, Мирза? Просто не знаю, что делать... SMS отправить? А возраст? У тебя сухости нет? Усталости? Слабости? Сима, дура, сказала, это гиперхлоремия, но по тебе так не скажешь... Бодрый. А я разваливаюсь на части.

Наклонившись вперед, он поворошил концом длинной палки янтарные угли:

– Давай картошку испечем.

– Детский сад какой-то!

– Можешь еще помидоров, если хочешь.

Сара с сомнением посмотрела на брата.

– Давай, давай! Неси. Приучайся жить просто, – усмехнулся Мирза Халил. – Перекусим, потом кое-что надо будет сделать. Поможешь.

– Что ты опять там придумал? – насторожилась Сара.

С печеной картошкой и помидорами доели они остатки курицы. Угли почти догорели, затянулись серой патиной. Стала она было убирать тарелки, но Мирза Халил заговорщически остановил ее и повел к углу дома. Увязая шлепанцами в песке, Сара, следуя за братом, ворчала вполголоса. Подошли они к соседской ограде. Не считая дальней лампочки над входной дверью, дом полоумного изобретателя стоял силуэтом, погруженный в плотную темень на фоне расцвеченного звездами неба. Запахнув жакет, Сара боязливо прижалась к Мирзе Халилу.

– ...у изобретателя там целый моток колючей проволоки. Он вон там. – Мирза Халил ткнул пальцем куда-то в сторону соседского двора. – Под навесом.

– Зачем тебе колючая проволока? – прошептала Сара, замирая от страха.

– Буду натягивать вокруг. Так надежнее.

– Обалдел, Мирза?

– Не спорь. Сама же говорила – будут всех чипировать силком.

– Я говорю, что люди говорят!

– Тише, Сара, тише! Не нужно привлекать внимания. Жалко, у нас ставней нет.

– Зачем?

– Не понимаешь? Чтобы не видели, что мы дома.

– Ой, Мирза!

– Придурку эта проволока уже не понадобится. И вакцина тоже. И чипировать его не будут. Придурок сейчас на Сириусе, вместе с моей собакой.

– На каком еще Сириусе?

- Собачья звезда. Видишь, которая самая яркая.
- Что ты болтаешь?
- Шучу. Все равно валяется там просто так, ржавеет.
- Да как ты ее возьмешь?
- Поможешь мне.
- А вдруг увидит кто-нибудь...
- Все на карантине.
- А вдруг!..

...Брат с сестрой долго тащили к ограде приставную лестницу. Саре пришлось даже вернуться в дом сменить шлепанцы на кроссовки. Напоследок Мирза Халил проверил карманы куртки: телефон и драные рукавицы, оставленные во дворе кем-то из рабочих, были на месте. Надел маску. Сара мелко дрожала. То ли от волнения, то ли от тянувшей с моря вечерней прохлады.

– Не ходи, я боюсь, – сказала она, сверкая в темноте стеклами очков. – Упадешь, Мирза! А вдруг там змеи. Эльмар видел змею прошлым летом...

– Не змей надо бояться, а китайцев с вирусологами, – назидательно сказал Мирза Халил, начиная осторожно карабкаться по лестнице, в которую мертвой хваткой вцепилась Сара. Лестница была длинная, ставить ее пришлось под острым углом, и поэтому подниматься было неудобно. По-обезьяньи полусогнувшись, он кряхтел, чуть задыхался, по всему, от печеной картошки его стало сильно пучить, но в конце концов он-таки благополучно добрался до края каменной ограды и, стараясь не слишком высовываться, поглядел вниз на соседский участок. В неоновом свете мобильного заросли чертополоха и голубой колючки под стеной выглядели не слишком безопасно. Он осветил дальше, в глубину участка.

– Что там? – замирая, спросила Сара. Мирза Халил обернулся через плечо:

– Ничего. Сейчас...

Потев от напряжения, он поднялся еще на две ступеньки выше, собрался и, одним движением перекинув левую ногу через ограду, оседлал ее.

– Ой, Мирза... – прошептала Сара, глядя на темную фигуру брата, мистическим всадником восседающего на стене на фоне чернильного неба. Мирза Халил перевел дух, обтер рукавом летней куртки вспотевший лоб. Живот распирало. С ограды стала видна узкая грунтовая дорога, справа колеёй отрезавшая дачи от заросшего пустыря.

– Ага, – сказал он, подставив покрасневшее лицо мягкому морскому бризу, – толкай!..

Сжимая коленями стену, полусогнувшись, он потащил лестницу вверх, в то время как Сара, упираясь кроссовками в стынущий песок, толкала ее снизу. Через минуту им удалось поднять ее до середины.

– Отпускай! – скомандовал Мирза Халил. Сара отпрянула назад, и он, используя край стены в качестве упора, стал опускать верх лестницы на соседскую территорию.

– Будь начеку! – тяжело дыша, предупредил он сестру. С хрустом заламывая пальцы, она кивнула в темноте.

Спускаться оказалось еще более неудобным, чем подниматься. От накопившихся газов уже кололо в боку.

На другой стороне, очертив светом телефона небольшой круг, он сообщил Саре вполголоса:

– На месте.

– Смотри под ноги, Мирза! – глухо откликнулась она из-за стены.

Не разгибаясь в полный рост, как траппер из романов Фенимора Купера, мучаясь животом, короткими перебежками двинулся Мирза Халил к навесу позади соседского дома. Приблизительно на половине пути, обозначенной дверью в ограде, выводящей на грунтовую дорогу, он споткнулся о какую-то железяку, которыми был

усеян весь участок, и чуть не упал, однако в конце концов благополучно добрался до навеса и, еще не отдышавшись, снова включил телефон. Огляделся. Помимо проволоки, здесь было еще много всякого подручного материала. В углу увидел среди прочего деревянный ящик, доверху набитый каким-то барахлом. Мирза Халил подошел ближе. По виду ящик был тот самый, из которого покойный придурок доставал запчасти для климатической пушки. Сверху лежал помятый дымарь из нержавеющей стали, каким отпугивают пчел пасечники, под ним – ржавая паяльная лампа, моток хорошей пеньковой веревки, большая стамеска.

– Ага! – довольно сказал Мирза Халил вслух и при этом подумал: «Пусть еще скажут спасибо, что от хлама избавляю».

Было удручающе тихо. Зачумленный дачный поселок, оцепенев, не издавал ни звука. Лишь осуждающе шелестел чертополох, волнуясь под бесшумным напором ночного бриза. Ориентируясь по отражению звезд в зарешеченном окне сбоку от навеса, Мирза Халил поправил рукавицы и, поднатужившись, перевернул моток с проволокой набок. Моток был тяжелый, колючий. О том, чтобы нести его в руках, не могло быть и речи. Включив телефон, он стал озираться по сторонам. За остовом стиральной машины «Вятка» он нашел то, что искал, – побитую строительную тачку с присохшими к корыту комьями цемента. Тачка была здесь и во время его прошлого визита.

Первым Мирза Халил погрузил в нее ящик. Сверху положил проволоку.

Разогнувшись, он расстегнул куртку, облизал высохшие под маской губы. Хотелось курить. Он даже нащупал было широкую пачку «Собрания» в нагрудном кармане, но, вспомнив об отраве в воздухе, отдернул руку. Тут ему вдруг показалось, что его издали окликнули по имени. Затаив дыхание, он прислушался, и через секунду до него снова донесся голос Сары. «Как будто семимесячная!» – только и успел он подумать со злостью, как в брюках заверещал мобильный.

– Что? – рявкнул он в трубку.

– Беги, Мирза! Там кто-то пришел...

За спиной в окне вспыхнул свет. Заметавшись, Мирза Халил нырнул к стене дома и, присев на корточки, весь замер, с волнением глядя на тачку, оказавшуюся прямо в центре желтого прямоугольника света, разрезанного черными силуэтами решеток.

– Мирза! Але!..

Он дал отбой, непослушными пальцами выключил звонок телефона и стал лихорадочно набирать Саре сообщение на ватсап.

В доме кто-то ходил, шлепая сланцами по рассохшемуся полу. Шаги были легкие, как будто даже детские. Сары больше не было слышно. Хлопнула дверца шифоньера, под тяжестью тела скрипнула кровать. Мирза Халил прикинул, что если на корточках добраться до угла дома, можно будет, оставаясь все время в темноте, незамеченным добежать до ограды.

«Беги!!!» – выплыло сообщение на экран.

«Не могу. Увидят», – набрал в ответ Мирза Халил, морщась от колик в животе.

«Что делать?»

«Не знаю. Кто это?»

«Не знаю».

...Прижимаясь к стене плечом, стараясь почти не дышать, он чуть приподнялся и, преодолевая боль в коленях, засеменял вдоль внешнего подоконника, но, добравшись до конца, не удержался и искоса глянул с угла в незанавешенное окно. Увидел он небольшую спальню с синенькими свежими обоями, платяной шкаф в светло-коричневой полировке, сверху громоздились свернутые тюками одеяла, и двойную кровать. На кровати поверх покрывала, на котором была разбросана одежда, полулежала-полусидела, уткнувшись в мобильный, худенькая девица в

одном исподнем. Исподнее было такое тоненькое, такое несущественное, почти не оставлявшее места воображению, что у Мирзы Халила под маской невольно перехватило дыхание. Осветленные волосы падали ей на лицо, но он все равно безошибочно признал в ней кассиршу – свою невесту из чудного сна! Полусогнутые колени Мирзы Халила мелко дрожали от напряжения, лицо покрылось горячей испариной, невыносимо пучило, а он все не хотел оторваться взглядом от прелестной девицы. Наоборот! Стал даже тянуть шею вверх, чтобы разглядеть получше наиболее интересные детали, и даже чуть разогнулся, из-за чего, видимо, не удержал скопившиеся в нем газы, и они рванули наружу так громко, что соблазнительная кассирша в неглиже испуганно вскинула голову. Мирза Халил нырнул вниз. Что делать? Девица вот-вот подойдет к окну, заметит груженую тачку, заметит его! Он прикрыл глаза: за дрожжащими веками полыхали разноцветные искры.

...Когда в глубине дома залился долгой трелью дверной звонок, сердце его едва не выпрыгнуло изо рта. Через минуту по звуку удаляющихся шагов он понял, что она вышла из комнаты.

В три шага добежал Мирза Халил до тележки, ухватился за рукоятки и рысцой, задыхаясь, напролом через колючие кусты покотил ее к ограде. Где-то на половине пути пришлось ему остановиться, отдышаться, сердце колотилось так, что перед глазами вспыхивали и гасли фиолетовые искры. Резиновое колесо вязло в песке.

Самым тяжелым оказалось тащить ящик по лестнице вверх, и уже на самом краю ограды, потеряв баланс, он чуть не свалился.

– Сара!.. – свистящим шепотом звал он сестру, карабкаясь по ступеням. Но она не откликнулась.

...Оставив ящик на вершине ограды, он перебросил проволоку на другую сторону и, опять оседлав стену, глянул через плечо напоследок на соседский дом, в котором теперь светились почти все окна. Уже из последних сил Мирза Халил стал вытягивать лестницу.

...Криво улыбаясь пульсирующим звездам, он лежал, растянувшись на песке между лестницей и мотком колючей проволоки, без маски, чувствуя, как струйка горячей, вязкой слюны стекает из уголка рта ему на шею. Сириус, по изумрудным холмам которого скакал седой пудель, висел над ним, как цельный алмаз.

– Мирза! Мирза! – тормошила его перепуганная Сара, трясущимися руками выдавливая таблетки из облатки. – Нужно «скорую»! Положи под язык...

Он тяжело приподнялся на локтях:

– Ты куда убежала?

Сара потрогала его влажный лоб:

– Ой, Мирза, я чуть не обделалась от страха!

– А говорила, никого нет.

– Откуда я знала! Я что, на этой даче бываю вообще? А как свет увидела, прямо сердце остановилось! Представляешь, какой скандал! У меня сейчас реально трусы мокрые! Что ты смеешься? Дурак! Сделал из меня воровку на старости лет! Попробуй только кому-нибудь рассказать – отравлю тебя, клянусь Эльмаром! Вставай с песка, простудишься... Ты весь взмыленный, пойдем домой.

Уцепившись за ее руки, он поднялся. В ушах зашумело от прилившей к голове крови.

– ...побежала, как ненормальная, на полпути вспомнила, что маску не надела. Вернулась за маской, опять выскочила...

– Куда?

Поддерживая друг друга, они побрели к дому.

– Как куда? Тебя, дурака, спасти! Постучалась. Позвонила. А на улице темно, как в лесу, думаю, сейчас собаки налетят, вирус кругом, дышать боюсь, веришь? Думаю, вдруг полиция, заберут к черту...

– Так это ты к ним звонила? – удивился Мирза Халил.

– Я же тебе на ватсап написала! Не проверял, что ли? – она стала искать на телефоне. – Вот! «Отвлеку их. Беги». Я же говорю, ты из меня реальную воровку сделал! Позор какой! Симе расскажу – сдохнет! Девчонка открыла. Сначала стала спрашивать: «Кто? Зачем?» Видимо, тоже перепугалась. Знаешь, кто оказалась? Касирша из «Боллуга»! Помнишь, сидела там такая?

– Помню.

– Конечно, помнишь, у тебя же на светленьких глаз наметанный! Я представилась, такая-то такая, говорю, соседка, мы тут пожилые люди, застряли в карантине, выходить нельзя, нам за шестьдесят пять, можете, мол, по-соседски помочь продукты покупать. В общем, познакомились. Оказывается, она здесь уже четыре месяца живет.

– Снимает?

– Нет. Какая-то родственница придурка. Из района приехала. Он, кажется, был из Лерика. Не помнишь, какая башка у него была, как кастрюля. В общем, поговорили немного...

...Согласно Интернету, странное пересечение улиц на фотографии действительно напоминало китайский иероглиф. Мирза Халил-таки нашел его. Первая часть, похожая на ветку, обозначала «останки», вторая комбинация из двух латинских букв – склонившегося человека. Все вместе соответствовало слову *sí* – «смерть».

4

Как и предполагал Мирза Халил, в ящике изобретателя оказалось много занимательного. Помимо дыمارя, который можно было использовать для очистки воздуха от заразы, попались ему капкан приличного размера, коробка с ружейными патронами «Барнаул» 7.62, набор мелких отверток, ошейник, пузырек с йодом, садовые ножницы, три висячих замка, банка фиолетовой гуаши, половина томика Блаватской «Тайная Доктрина», сплошь испещренная подчеркиваниями и восклицательными знаками, блокнот со схемами и формулами, хирургический скальпель, пистолетный глушитель, микросхемы самых разных видов и размеров, транзисторы, книга «Электротехника» 1956 года издания, фарфоровая пастушка без головы, шиферные гвозди, оптический прицел, початая коробка стирального порошка «Барф», керамическая фигурка денежного кота, странный аппарат, вроде ультрафиолетового рефлектора Минина, но с прикрученными к нему дополнительным блоком и медным змеевиком, конец которого был врезан в консервную банку, заплесневевшая обложка журнала «Техника – молодежи» с изображением НЛО, казеиновый клей, скелет, по-видимому, воробья на подставке, закопченный раструб из незнакомого металла сантиметров 30 длиной, похожий на сопло ракеты, с изображением крошечного китайского флага, переписанное от руки стихотворение Османа Сарывелли «Не обижайся». Но самой главной находкой оказался запаянный под крышку двухлитровый баллон. Он был так плотно облеплен пылью, что содержимое его не было видно. Мирза Халил, сидевший в углу двора на перевернутом ведре, попробовал оттереть пыль пальцами, но сама поверхность стекла была липкой, маслянистой, покрыта чем-то вроде подсохшего солидола. И если бы не полустертая надпись на крышке красной краской: «12-Апр, 1997 г. Не открывать!» – Мирза Халил, пожалуй что, выкинул бы баллон, не разбираясь. Он попытался соскрести солидол зубцом стамески, но жир на стекле был слишком плотный. Нехотя он сходил в дом, выпросил у Сары ветошь и тазик с теплой водой и вернулся к баллону. Выложив его на песок среди прочих артефактов из ящика, Мирза Халил стал оттирать стекло, и через некоторое время стало возможным заглянуть вовнутрь. В баллоне увидел он висящего в прозрачном растворе небольшое человекообразное существо с длинными тонкими конечностями и

непропорционально большой головой с раскосыми глазами. Гуманоид был голым, без всяких признаков пола, но с большим, хорошо обозначенным пупком, из которого торчали оборванные разноцветные провода. Длинные ступни его были обуты в оранжевые вьетнамки.

Тщательно смыв остатки жира, по запаху действительно напоминавшего солидол, насухо обтерев баллон, поставил Мирза Халил его на перевернутое ведро так, чтобы лучше попадал свет, и, нацепив очки, стал изучать гуманоида с разных ракурсов. Над фиолетовыми губами обнаружили у него черные усики, щетинистые кончики которых прикрывали мимические морщины вокруг рта. Редкий волос в мелких кудряшках покрывал лодыжки, а с левой стороны солидного пузика был заметен поперечный шрам как от аппендицита. Он осторожно встряхнул баллон: существо безвольно колыхнулась вместе с жидкостью.

– Ну, ни фиги себе! – задумчиво почесывая заросший подбородок, проворчал Мирза Халил, глядя на то, как, раскинув тощие ноги, гуманоид безжизненно покачивается в пронизанном светом рассоле. – Только этого нам еще не хватало...

Подобрав с земли блокнотик изобретателя, стал он перелистывать слева направо жухлые странички, сплошь исписанные формулами и нечитаемыми клинописными закорючками, в надежде найти что-нибудь. И действительно, где-то ближе к середине наткнулся Мирза Халил на два неумелых карандашных наброска. На одном из них гуманоид был изображен, как и в баллоне, голым, с вьетнамками на ногах, на другом – в мешковатом скафандре. А еще через разворот, заполненный сплошной клинописью, большая часть которой была подчеркнута восклицательным красным цветом, нашел он изображение космического аппарата с характерными соплами. Сопла выглядели очень похожими на раструб из ящика.

Больше никаких рисунков, связанных с астронавтом-гуманоидом в блокноте, вроде, не было, зато имелись наброски каких-то сложных механизмов, растений, целой подводной лодки с выставленным перископом и реликтовой рыбы. Кроме того, ближе к концу на одной из страниц был наклеен вырезанный откуда-то Джыртдан с краткой подписью «Люлюшка», а на самой последней красовался Ататюрк в генеральской форме. Как искать ключ к зашифрованному тексту, Мирза Халил не знал и, безнадежно полистав блокнот еще немного, спрятал его в карман. Заглянул он еще раз в ящик, поковырялся в шурупах и болтах, наваленных по всему днищу, нащупал среди них миниатюрный шлем от скафандра. Как раз размером с теннисный мяч, как голова гуманоида. От золотистого визора остались одни зеркальные осколки, а сам шлем выглядел сильно обгоревшим. На пальцах Мирзы Халила остались следы маслянистой сажи.

Нужно было решать, где прятать баллон. В доме имелся небольшой чулан, выкроенный из части подвала, с земляным полом, темный, пахучий, но сухой. В нем Сара хранила соленья, компоты и всякую утварь. Что, если затолкать его куда-нибудь подальше на верхние полки до тех пор, пока не выйдет разгадать записи в блокноте. «Вот ведь, – подумал Мирза Халил с уважением, – чокнутый-то чокнутой, а голова варила». Он вдруг забеспокоился, что выставил гуманоида на солнечный свет. Не зря же стекло было обмазано солидолом. А что, если он, как пиво, начнет на свету терять газ или что-то в этом роде. Торопливо обмотав баллон ветошью, убрал он его обратно в ящик.

Ключ от чулана висел на связке в прихожей. Когда он пришел за ним, Сара на кухне резала овощи и громко говорила по телефону. Судя по елейному тону, – с невесткой. С замком, однако, пришлось повозиться. В прорезь набился песок, и ключ все никак не проворачивался до конца, а когда уже дужка, наконец, с хрустом выскочила из запора, обратил Мирза Халил внимание на зависшее справа от болезненного кипариса, видимого из окна его спальни, аккуратное, хорошо очерченное облачко в форме большой рыбы. Приложил он ладонь козырьком к лицу.

– Все-таки следят, – сказал Мирза Халил сам себе под нос, вспоминая соседа-изобретателя. Рыба как будто подморгнула ему. – Что творится!

Поднял он баллон, обмотанный ветошью, толкнул разошедшуюся дверь и с порога, вывернув руку, стал шарить по стене в поисках выключателя. Из чулана несло укропом и землей. Над косяком двери, чуть покачиваясь, висела красивая треугольная паутина с солидным арахнидом в самом центре. Пальцы его наткнулись на выключатель, он щелкнул им, под потолком, ослепительно вспыхнув, взорвалась лампочка.

– Что ты здесь делаешь? – почти одновременно с этим спросила Сара, незаметно подобравшись сзади. Оборачиваясь на нее, Мирза Халил оступился, тара с гуманоидом выскользнула из ветоши и раскололась на пороге.

...Он бросился на колени, беспомощно глядя на то, как плотная зловонная жидкость растекается по песку грязной лужицей.

– Сара! Сара! – кричал в отчаянии. – Тащи тазик... тащи ведро... Что ты наде- лала!

Сара, не понимая происходящего, инстинктивно заметалась, но было уже поздно: головастый гуманоид стал на глазах менять цвет с нежно-голубого на кроваисто-розовый, стал морщиться, на макушке его выступили пузыри, колыхнувшись, лопнуло пузико, наружу густой слизистой пастой вывалились цветные внутренности вперемешку с проводами...

– Выкидыш! – остолбенев, вопила Сара. – Усатый выкидыш...

Через минуту все было кончено. Все, что осталось от гуманоида, было темное зловонное пятно на песке, несколько проводков и оранжевые вьетнамки. Не обращая внимания на сестру, Мирза Халил подцепил один тапочек ключом, поднес ближе к глазам: на подошве крошечными буквами было отпечатано: Made in China.

...Соседку из «Боллуга» звали заковыристо – Гюдрятназ. И это очень не нра- вилось Мирзе Халилу.

– Что за имя, – сокрушался он, – откуда они это взяли? Дебилы...

– Тебе-то что? – пожимала плечами Сара. – Ты же ее не замуж берешь. Гюд- рятназ так Гюдрятназ. Имя, конечно, идиотское. Но, между прочим, не хуже Шей- лочки. Если на то уж пошло, даже лучше. Нормальное деревенское имя. А чего ты ожидал? Офелию? Только из-за того, что она светленькая? Да? Мирза, предупреждаю тебя, я серьезно – не вздумай фокусничать! Она тебе во внучки годится! Предлагали же тебе нашу Севиль-ханым, что ты тогда уперся, как баран? Интеллигентная жен- щина, терапевт, внук в Праге учится, упакованная. Квартира на Баилово, дача... Между прочим, на пять лет нас младше. Сейчас сидел бы у нее под боком...

– Если возможно побрить Неймета – это мой слесарь из ЖЭКа – одно лицо. Может, он тоже терапевт, по совместительству.

– Ты посмотри на него! Ему срочно Катрин Денев подавай!

– Ну, не Неймета же!

После фиаско с гуманоидом Мирза Халил не разговаривал с сестрой полтора дня. За это время успел он растянуть колючую проволоку по ограде со стороны улицы, из-за чего дача стала выглядеть как пенитенциарное учреждение. Очень бес- покоило Мирзу Халила отсутствие хоть какого-нибудь огнестрельного оружия на слу- чай внезапного нападения оголодавших на карантине мародёров. А судя по новостям в Интернете, да и по телевизору, до конца эпидемии было еще далеко. Своеобразным напоминанием об этом служил теперь раз в день барражирующий по поселку поли- цейский микроавтобус, через громкоговоритель предупреждающий немногочислен- ных дачников и местных не покидать своих жилищ без соответствующего разрешения властей, а тех, кому, как Мирзе Халилу и Саре, было уже за 65, – не высовываться на улицу совсем.

Гюдрытназ заходила утром перед работой за списком, а вечером приносила продукты. Заказывали впрок. Расплатившись и поболтав недолго с девушкой, брат и сестра обеззараживали упаковки с продуктами санитайзерами, а когда те кончились – уксусом, после чего только тащили их либо в дом, либо в злополучный чулан. При этом Сара ни под каким предлогом не оставляла Мирзу Халила один на один с продавщицей. И, надо сказать, правильно делала! Несмотря на диковинное имя, продавщица самым бессовестным образом стала снится теперь ему почти каждую ночь. Сны были ошеломительные, сумбурные, с множеством покойных и живых персонажей, но почти всегда где-то в них, иногда только на втором плане, присутствовала она с ее девичьим голосом и внимательными светлыми глазами, от одного взгляда которых сердце Мирзы Халила сладко сжималось.

– Я говорю, как она не боится? Все-таки одна в доме, вокруг пустые дачи... – спрашивал он больше самого себя, чем Сару. – С улицы еще ладно, там хоть пара фонарей есть, а эта дверь дебильная, на море, – она же гнилая вся. Одним пинком открыть можно. Если ночью кто подберется, даже не заметит! Хоть бы сейфовую поставил, кретин...

– Да что ты прилип к ее заднице? Твое какое дело, спрашивается? – оторвалась от телефона Сара. – Клянусь, я заболела, он так переживать не будет! Обычная крестьянка, ни образования, ни мозгов! Да, хорошая девочка, воспитанная, ну и что? С чего это у тебя на старости лет все закипело? Ты представляешь, Симочка, прохода не дает девчонке! Да этой самой, которая из магазина... ага! Тут весь мир вверх ногами, а у этого одно на уме... Неделю назад он уже был почти овощ, ты же сама видела, – а теперь у него рот не закрывается! Зачесалось у него...

– Я не в том смысле! – возмущался Мирза Халил без всякой надежды переубедить Сару.

– ...каждую ночь ставит перед домом капкан... Я тебе объясню – настоящий капкан! Не веришь? Волчий! ...Откуда я знаю, нашел в подвале... Это ужас какой-то! В конце концов кому-то из нас он ногу ломает. Просто какая-то новая форма Альцгеймера! Это еще не все, ты думаешь, я чокнулась – он девчонке этой барана заказал! Живого! ...Откармливать собирается на случай голода! Где ты такое видела!

Слева от ворот выделил Мирза Халил место под небольшой парник, но, чтобы начать, нужно было достать хотя бы полмашины приличной земли. Дачная никуда не годилась. А пока собрал он во дворе подходящие для дела доски и потихоньку распиливал их в соответствии с размерами, найденными в Интернете на сайте: «Парник своими руками».

В среду под вечер, выписав на отдельный лист закорючки из блокнота изобретателя, Мирза Халил с удивлением обнаружил, что покойный использовал алфавит, состоящий из 89 и двух сомнительных знаков, которые то ли были просто неряшливо написаны, то ли были полноценными фонемами. Работа эта заняла много времени. Закорючки были мелкие, как кудряшки, похожие друг на друга, но все-таки отличались. Тайком от Сары набрал Мирза Халил Мурадова. Про гуманоида, само собой, рассказывать не стал: соврал, что разгадывает кроссворд. Доктор попросил время на раздумье, перезвонил минут через сорок и сообщил, что самым подходящим языком для алфавита из 91 буквы может быть только убыхский.

– Кто такие убыхи?

– Вроде абхазцев.

– В Грузии живут или в Дагестане?

– В Турции. Но на убыхском уже не говорят. Мертвый язык.

– Ага, – удивился Мирза Халил. – А можно найти словарь?

– Да на фига тебе убыхский? Там одних согласных 88 штук. Чтобы на нем говорить, во рту два языка надо иметь! И дополнительную гортань. Это же не выговорить...

Мирза Халил расстроился. Полез в телефон читать про убыхский язык. Сведения Мурадова подтвердились.

Долго еще после этого листал он в оба конца блокнот. Из написанных кириллицей было лишь уже упомянутое слово «люлюшка», три раза «пространственно-временной континуум» и неприличное «п...да» под едва заметным изображением соответствующего органа, пронзенного фиолетовой молнией. Рядом стояла длинная формула: $g = 6,67 \times 10^{-11} \text{ Н} \times \text{м}^2/\text{кг}^2 \times 7,5 \times 10^{22} \text{ кг} \div (1,75 \times 10^6 \text{ м})^2 \approx 16,335 \times 10^{-1} \approx 1,6 \text{ Н/кг (м/с}^2\text{)}$. Помучившись, Мирза Халил сфотографировал формулу так, чтобы в кадре не был виден скабрезный рисунок, и отправил его вместе с вопросительным знаком по ватсапу доктору.

От блокнота его оторвал звонок в дверь.

– Одевай маску, красавица твоя появилась с продуктами! – сообщила Сара, выходя из кухни и обтирая на ходу руки полотенцем.

Дневная красавица из магазина пришла не одна. Отодвинув засов на воротах, увидел Мирза Халил чуть поодаль от нее знакомого круглолицего электрика. И все в той же вязаной шапочке. На веревке держал он годовалую палевую овечку.

– Ну что, братец, до Мешхеда доехал? – спросил Мирза Халил с ходу, усмехаясь, и приспустил маску. Тот, прищурившись, косолапо подошел на шаг ближе, всплеснул руками, подтащив за собой овечку.

– А я и не признал вас в этом! – хотел он было протянуть ладонь для приветствия, но тотчас и отдернул ее под строгим взглядом Сары за защитными очками. – Видно, разбогатеете!

– Ну, если разбогатею, отправлю тебя в Мешхед на самолете.

– Да я уже и не надеюсь! Видно, не ждут меня там. Как-нибудь уж здесь перекантуюсь...

Сара приняла у продавщицы пакет с заказами, достала из кошелька деньги. На фоне закатной располосицы, затопившей безлюдную зачумленную улицу, девушка, с ее выбившейся на лицо светлой прядью, выглядела еще более хрупкой и невинной.

– Ну, как знаешь, – сказал Мирза Халил так, как будто уже разбогател и как раз собирался заказывать билеты на Мешхед, – мое дело предложить. А заразы, братец, не боишься? Смотрю, ходишь без маски.

– Если маски нет, надо хотя бы марлей повязать, – ворчливо вступила в разговор Сара, инспектируя содержимое пакета.

– Это сестра моя, Сара, – представил ее Мирза Халил. – Доктор.

Электрик с достоинством кивнул:

– Очень приятно, Сара-ханым-доктор. Я Мешади Ильгар. Вот, брат ваш знает, электрик здешний. Если что починить...

– Сказано же, что маску всем носить надо, – продолжала ворчать Сара. – Если маски нет, скажи жене, пусть сошьет. Дело нехитрое. И сам заболеть можешь, и людей перезаражаешь...

– Меня, доктор-ханым, вирус не возьмет, – уверенно ответил круглолицый. – Я средство надежное знаю.

– А что ж нам не рассказываешь? Давай! – сказал Мирза Халил, опять переведя цепкий взгляд с овечки на продавщицу. Хлопнув медвяными глазами, девушка смущенно улыбнулась ему под маской.

– Расскажу. Средство простое, но помогает – на миллион процентов. Проверено, как говорится, на себе. Значит так, утром берешь теплой воды – литр, а кому полтора, это уже по вкусу. Потом хорошую головку чеснока. Ядреную. Зубчики аккуратно очищаешь и давишь их, чтобы как паста получилась. Можно в ступке растолочь или через мясорубку. Так даже лучше. Дальше эту пасту чесночную разводишь в воде, мешаешь хорошенько, туда же ложечку масла подсолнечного для мягкости. Можно и две, но я проверял: две слишком жирно получается. Дальше берешь ве-

точку могильника. По правде сказать, про это средство мне наш имам рассказал, так у него в рецепте этого нет. А жена моя говорит, от могильника еще никому вреда не было. Он же ведь не только от сглаза, но и от болезни помогает. Значит, на огне веточку попалишь, и ее тоже в воду покрошишь. Туда же ложечку меда с верхом, и чтобы разошелся. Но мед надо брать хороший. От плохого больше вреда, чем пользы. Одно сырое яйцо туда. Не магазинное, а домашнее, из-под курицы, чтобы теплое еще. Ну, а в самый конец – шесть чайных ложек керосина. Только ни больше, ни меньше! Имам наш, Гаджи Роял, говорит, 76-ой бензин тоже годится, но керосин все-таки лучше. Он же натуральный...

– Да как же, братец, это пить можно? – возмутился Мирза Халил.

– А кто сказал, пить? – со знанием дела покачал головой электрик. – Пусть доктор-ханым меня извинит, тут это не пить, а совсем даже наоборот, так сказать. Этим всю систему промывать надо. Изнутри. И на голодный желудок...

– Так ты, что же, братец, клизму себе каждое утро ставишь?

– Обязательно! – сказал Мешади Ильгар. – И детям велел. И не болеем поэтому. Никакая зараза не пристает.

– Да какая зараза тебя возьмет! Ты себе просто кишечник раньше сожжешь, чем до тебя зараза доберется! – возмутилась Сара. – Вот люди!

– При всем уважении, доктор-ханым, – хитро прищурился электрик, – а масло на что? Масло внутренности бережет, смягчает. А промоешься – ох! как заново на свет родишься! Легкость такая...

– Ну, смотри, братец, ты себе ни в чем не отказываешь! И яйцо, и масло, и мед – если стакан муки добавишь, пироги можешь печь!

Красавица прыснула, отвернулась в сторону.

– Это да! – согласился электрик. – Для здоровья ничего не жалко...Мед свояк из Лагича привез, шестьдесят манат отдал...

– Совсем с этим вирусом с ума сошли! – негодовала Сара.

– Одна проблема, дома нас шестеро, а уборная, извиняюсь, только одна.... Вот сейчас с сыном вторую рою...

– Ну, за рецепт спасибо. Как-нибудь попробуем. Только боюсь, продуктов на клизмы не напасемся. Нам же ведь выходить нельзя. Хорошо вот, девочка помогает.

– А вы только скажите, я вам и яйца свежие организую, и молоко, если надо. И керосин пожалуйста!

– Спасибо, братец, спасибо. Подумаем. Ты лучше скажи, почем овечку отдашь? Ты же за этим пришел?

– Так и есть! Гюдрятназ сказала, соседи барашка купить хотят... Откуда же я знал, что это вы! – Электрик достал из кармана знакомую связку ключей и, привычно выбрав один подлиннее, с наслаждением поковырял им в ухе. – Скажу вам, как своим, хорошую цену... Чтоб уже не торговаться.

– Я смотрю, ключей у тебя вроде больше стало. Нашел замки-то?

– Эх, – вздохнул электрик, обтирая кончик ключа о рукав куртки, – кто же их найти может! Я же говорю, не для того прятали, чтобы найти можно было. Имам наш говорит: ключи от рая – это намаз. Кто же спорит? Ключики, значит, имеются, а вот где эта дверь в рай, неизвестно. Так и хожу со связкой. Я уже и искать бросил. А насчет ключей, это правильно заметили, каждый год только прибавляются проклятые! Двадцать восемь штук мне от отца досталось, а уже тридцать девять!

– Как же так?

– Так нахожу их постоянно! То дома, то во дворе. Один раз в курятнике даже! Найду, и на связку вешаю. Откуда берутся проклятые – поди знай! Так что этого дела у меня сколько хочешь! Зато ни одного замка. У имама спрашиваю, а он мне: «Иди отсюда, тебе голову продуло». Тут целый имам разобраться не может, а вы говорите, ищи замки! Загадка!

– Загадка, братец, загадка, – быстро согласился Мирза Халил. – Так почему, говоришь, овечку отдашь?

...На ватсап пришел, наконец, ответ от Мурадова: «Это формула ускорения свободного падения тела на Луне. От Сары на Луну бежать собрался?».

5

Мешади Ильгар по-соседски, но с учетом коронавирусной пандемии, сторговал барашка за 195 манатов, да еще и обещал подогнать два мешка местного комбикорма. Однако прежде, чем допустить животное на территорию, Сара произвела его радикальную дезинфекцию спреем российско-немецкого производства «Мелисептол Рапид». После этого очищенную от заразы овечку временно разместили на привязи на месте будущего парника. На ужин, в отсутствие комбикорма и силоса, ей была выдана миска сырого картофеля с буханкой давно черствого хлеба.

Утром, несмотря на дезинфекцию, овечка оказалась жива и здорова, и даже успела, к радости Мирзы Халила, добротню унавозить периметр.

– Сделаю пока навес, – сообщил он сестре за завтраком, давля ложкой лимон в стакане чая. – А к осени, дай Бог, сколочу сарайчик. Может, еще одного заведем.

– Я не поняла, ты что, здесь до осени сидеть собрался? – тревожно спросила Сара.

– А что ты думала, милая? Вирус еще пока только силу набирает. Вот в сентябре, говорят, вторая волна ударит, тогда и будет самое то! Сама же про испанский грипп фильм мне показывала... Надо, кстати, узнать у этого энтузиаста клизм, может, он и ружье какое-нибудь достать поможет.

Сара в отчаянии схватилась за голову. В порыве внезапной нежности Мирза Халил осторожно погладил ее по кудрявым локонам. Сара захныкала, противно, как в детстве.

– Не переживай, никакой Билл Гейтс сюда не сунется. Зачем мы ему сдались? А сунется – пожалеем... один Мешади Ильгар чего стоит!

Использовал Мирза Халил ошейник из ящика изобретателя. Овца в добротном светло-коричневом ошейнике стала выглядеть гораздо солиднее и, видимо, тоже ощущая это, при приближении Мирзы Халила больше не шараялась испуганно в сторону. Доставая ошейник, наткнулся он опять на аппарат, напоминающий рефлектор. На корпусе консервной банки, в которую был впаян змеевик, обнаружил он полустертую надпись: «Азыхантроп (Аз – 1А, прототип)». Мирза Халил заволновался. Ему вдруг показалось, что где-то на страницах блокнота ему уже попадался чертежик, в котором можно было угадать схематичное изображение рефлектора с прикрученным к нему блоком и змеевиком. А главное – внизу под чертежом было подчеркнутое дважды название неизвестного аппарата.

– Что-то меня в сон клонит, – сказала Сара, отложив телефон. – Ночью опять ворочалась... Тут так хорошо...

Над залитым солнцем двором не было ни единого облачка, и из глубины его, от оживших виноградников, тянуло приятной сладостью. Притулившись к ограде, жевал свою жвачку пасторальный барашек в ошейнике.

– Отдохни, – не отрываясь от блокнота, ответил Мирза Халил.

...На четвертой страничке после «Джыртдана» действительно красовался с трудом узнаваемый рефлектор Минина со всеми дополнительными причиндалами. Отдельно было представлено нутро консервной банки, внутри которой, если верить чертежу, сплошь истыканному неряшливыми пояснениями и цепочками физических формул, должно было происходить что-то невероятное, наподобие большого взрыва. Стрелочками были изображены закручивающиеся магнитные поля, в которых неслись потоки частиц. Название аппарата «Азыхантроп», записанное шифрованным

текстом, состояло аж из 20 знаков!

– Ага! – тихо, чтобы не разбудить задремавшую Сару, обрадовался Мирза Халил. – По два знака на один звук...

Разбил он слово на десять пар, выписал отдельными столбиками, а рядом с каждым двойным знаком указал соответствующий звук. Начало было как будто положено. Стал он выискивать похожие сочетания в больших кусках текста, однако очень скоро от напряжения разболелась у него голова. Сара чуть похрапывала в широкой тени от тутовника с пауками.

Отложив блокнот, взял он на колени «Азыхантропа». Еще раз оглядел внимательно. На рукоятке, прямо под металлическим блоком, находилась пластмассовая коробочка на двух шурупах. Отвинтил он их осторожно. Крышка отпала, внутри были вставлены две заметно окислившиеся батарейки АА. Недолго думая, тихонечко сходил он в дом, вынул из телевизионного пульта две такие же батарейки и, вернувшись обратно на веранду, вставил их в аппарат. Завинтил крышку на место. На блоке рядом с черным включателем моргнула красная лампочка. Мирза Халил с сомнением почесался.

...Поднявшись с места, подошел он к краю веранды, на вытянутой руке направил рефлектор от себя в сторону двора и, почти готовый к любой неожиданности, нажал пальцем на включатель. Щелкнул. Лампочка рядом моргнула зеленым. Потом синим. Следом легко завибрировала рукоятка «Азыхантропа», а еще через мгновение зашелестело по нарастающей внутри консервной банки, как будто быстрый порыв ветра захватил и, увлекая, потащил за собой сухие листья по асфальту. Пахнуло горько касторкой и еще, кажется, хлором. С ровным гудением стала накаливаться ультрафиолетовая лампа. От рефлектора потянуло теплом. Шелест в банке слился в устойчивый дребезжащий гул, и тут вдруг, к удивлению Мирзы Халила, не спереди, а с задней стороны абажура, из дюймовой металлической трубки в центре эбонитового цилиндра вырвался плотный ультрафиолетовый луч. Хорошо, что держал он прибор чуть наискосок! Луч лишь скользнул по его правому уху, но, увы, спроецировался на нижнюю часть лица Сары, мирно спящей позади него в кресле. Он инстинктивно дернул рукой, чтобы отвести луч в сторону, щелкнул кнопкой и осторожно опустил выключенный «Азыхантропа» на пол веранды. Медленно угасла ультрафиолетовая лампа.

– Что за вонь? – проснулась Сара. – Ты что-то опять поджег?

– Ничего, – быстро соврал он, с тревогой вглядываясь в лицо сестры. Выглядело оно как обычно. Ни ожогов, ни каких-либо других следов таинственного луча не было. Мирза Халил на всякий случай потрогал правое ухо.

– Воняет каким-то химикатом, – сказала она, надевая очки. – Чувствуешь?

– Наверное, с улицы. Иди умойся со сна...

– Может, баран твой завонял?

Он отрицательно помотал головой.

...После ужина ухо как будто бы стало зудеть. Не сильно, но Мирза Халил забеспокоился. Разглядывая в зеркале, обмазал его на всякий случай французским серумом Сары.

В тот вечер удалось ему поболтать с красавицей из «Боллуга» дольше обычного: Сара зависла на телефоне с Эльмаром. В отсутствие ее надзирательного ока красавица оказалась смешливой и даже как будто чуть кокетливой. Выяснилось, к слову, что по гороскопу она самая, что ни на есть, Дева, что по вечерам она чаще скучает, смотрит подолгу ютуб и потому засыпает поздно, что ей очень нравится стиль певицы Ройа, но не нравится ее голос, и что сама она тоже поет и ждет приличного продюсера, чтобы начать выступать, а вируса не боится, потому что он убивает только пожилых. В первый раз за все это время спустила она с лица маску. Губы у нее были аккуратные, хорошо очерченные, как у фарфоровой пастушки.

Окрыленный разговором, прогуливаясь по двору с сигаретой в зубах, Мирза Халил все никак не мог отогнать назойливую мысль, что стоит ему только набраться смелости и перелезть через соседскую ограду, сможет он опять лицезреть магазинную красавицу с телефоном в руках в ее нехитрой спальне и, если повезет (а вечера стояли теплые), может быть, даже снова в неглиже! Поддаваясь искушению, несколько раз как бы невзначай подходил он к каменной стене в углу участка, приподнимаясь на цыпочки, воровато заглядывал в соседний двор и даже подтащил уже к ограде лестницу, но пока мучился экзистенциальным вопросом, лезть или не лезть, дилемма решилась сама собой: в кармане джинсов надрывно зазвонил мобильный. Покраснев лицом, словно его уже застукали с поличным, Мирза Халил торопливо ответил на звонок.

– Мирза, Мирза... знаешь, как я тебя люблю?.. – услышал он осипший от пьянства голос адвоката Ашумова. – Не знаешь? А все мои знают. Дети знают... Лиля знает... все, короче! Как отца! Ты же мне как отец... Чтоб я сдох!.. Чтобы мы все сдохли...

– Ашумов...

– Даже проститься по-человечески не сможем уже... – всхлипывал он. – Все! Кончилось...

– Ашумов!..

– В театре... занавеска... тушите свет! Приехали, Мирза! Капут! А там... что там? Ты же мудрый, всех учишь... Скажи!

– Ты обалдел, что ли, Ашумов? Как это тебе Лиля позволила так нажраться?

Адвокат зарыдал в голос.

– Нету! Нету больше Лили моей! Нету... П-ф-ф-ф!.. Испарилась...

– Что ты болтаешь?

– Один я, понимаешь, отец! Один! Сдохну на этой даче проклятой... ни детей не увижу, ни собаки, ни Лили... выгнали меня! Семьи лишили! Как отца нашего, Адама!..

– Из-за секретарши, что ли? – догадался Мирза Халил.

– Чтоб у нее на одном месте чирей выскочил!.. – заголосил адвокат, захлебываясь слезами. – Чтобы два чирья...

Присев на перевернутое ведро, Мирза Халил стал смеяться, но тут адвокат зашептал горячо, быстро, сдержанно икая в короткие паузы:

– Слушай, слушай меня, отец! Не имею права говорить, но ты мне не чужой, если не попросаемся – не будет мне покоя! Ты не веришь, а тот свет есть! Есть, есть!.. Там увидимся... Бог – он всех любит, мне сказали... всех простит... – он понизил голос так, что Мирза Халил уже с трудом разбирал слова. – ...Верная информация... никакого вируса нет... придумали... вранье! вранье!.. это чтобы не было хаоса... летит, значит, астероид... большой. Через несколько дней будет у нас. Врежется прямо в Землю... все расчеты есть... конец нам, Мирза! Американцы стреляли ракетами, стреляли – все зря. Крепкий астероид, называется ОРэ2. Русские тоже стреляли. Промазали, как всегда. В Луну попали... НАСА стреляла – все равно бесполезно. Быстро летит... траектория у него близкая... полпланеты вымрет... поэтому карантин. Чтобы не паниковали... представь, что начнется, если узнают... размер астероида ровно четыре километра! Четыре! Косоглазые все предсказали...

Ашумов замолчал на мгновение, потом оглушительно и протяжно рыгнул в трубку:

– Мирза... четыре... четыре километра! Знаешь... по-китайски четыре – это «си». И так же у них пишется слово «смерть». Одинаково!.. Понял? Никто не спасется! Как динозавры, вымрем... Только кто в бункерах отсидится. Правительство. Миллионеры... я спрашивал, свободных бункеров нет. Все заняты... – всхлипнул Ашумов и добавил: – Самая секретная информация... не имел права говорить. Астероид уже видно,

ночью... яркий, сука... сам посмотри, если хочешь... Наши все в курсе. Всех предупредили.

– Наши, это кто? – осторожно спросил Мирза Халил.

– Наши там... – многозначительно икнул адвокат. – На Востоке... Тору читают день и ночь...

– Понятно.

– Готовятся. Я тоже. Со вчерашнего дня готов. Помылся... побрился... ногти постриг... башку под лезвие, чтобы чисто. Книгу на грудь положил... лежу на ковре... чистый и голый... жду.

– И водка рядом, – подсказал Мирза Халил.

– ...не берет уже, Мирза... со вторника... сегодня скотч допил 25-пятiletний... – бормотал Ашумов, очевидно засыпая. – Обидно, что этот баран прав оказался... Рафаил наш... который племянницу через простыню... там, говорит, зеленые поля. И главный, который на холме сидит, своих признает...

– Главный в шапочке?

– В шапочке, – подумав, согласился адвокат. – Встану на колени, буду ноги его целовать... чтоб простил за все...

– Тогда ты штаны все-таки надень, Ашумов. Нехорошо как-то перед начальством с голым задом. Хотя, как сказать... – но Ашумов уже не отвечал и только издалека был слышен его глухой, бульдожий храп. Мирза Халил дал отбой. Закурил еще одну сигарету, задумчиво глядя на то, что, по его предположениям, было Собачьей звездой Сириусом. Показалось ему, что за эти несколько дней звезда стала как будто намного крупнее, ярче, ближе к земле, и даже как будто стал виден теперь чуть размытый шлейф позади, какой бывает только у комет и астероидов.

Проснулся Мирза Халил опять рано, и от неприятного зуда. Что-то было все-таки не в порядке с ухом. Заспанно оглядел он комнату в нежных молочных сумерках, зевнул беззубо кипарису за окном и, поминая недобрым словом комаров, успевших открыть охотничий сезон, невзирая на пандемию, просунул руку под правую щеку чесаться. Тут и обнаружилась, что за ночь ухо почему-то обросло мягким шелковистым волосом. Отнял он голову от подушки, подергал пальцами новообразовавшуюся завитушку и бросился к зеркалу на двери платяного шкафа. Оглядев себя, Мирза Халил обомлел: над ухом торчала элегантная кисточка каштановых волос, как у какой-нибудь рыси. Левое ухо было в порядке.

– Ах ты, пи...раст! – прошамкал он в бешенстве, пробуя выдергивать индивидуальные волоски. Его вдруг охватила паника. Что, если рост волос лишь побочный эффект ультрафиолетового луча из проклятого устройства пи...раста-изобретателя! Кровь прилила к лицу Мирзы Халила, на лбу выступила горячая испарина. Может, радиация? Он бросился шарить по карманам брюк, нашел блокнот, перелистал его до нужной страницы с изображением «Азыхантропа» и, присев на край тахты, стал прыгать невидящим взглядом с закорючки на закорючку. Текст следовало расшифровать во что бы то ни стало! Мирза Халил надел очки, взял ручку. Используя уже разгаданные сочетания знаков, стал снова пытаться разобрать текст. Однако даже в тех случаях, когда все буквы были уже известны, на выходе получалась какая-то не читаемая и уж точно не воспроизводимая обычным речевым аппаратом галиматъя, вроде «тхъара» или «нкъа». Короче, дело оказалось безнадежным.

Когда, наконец, устав мерить комнату нервными шагами, поплелся Мирза Халил в уборную по малой нужде (в пятый раз со вчерашнего вечера, что с учетом возможной аденомы было само по себе крайне неприятно), над соседской оградой под воробьиный гвалт уже взошло солнце и медной пуговицей висело чуть наискосок от окна. Невесело помочившись, полез Мирза Халил в ванную мыться, но прежде под корень сбрил отвратительную кисточку с уха.

Было все еще рано, Сара спала. Стараясь не шуметь, вышел Мирза Халил во двор. Паучье царство, усеянное сухими останками всякой летучей братии, выглядело жилым и процветающим. Довольные жизнью арахниды грелись в лучах утреннего солнца под монотонный перезвон колокольчика. Колокольчик с красным новогодним бантом к овечьему ошейнику приспособила Сара. При виде Мирзы Халила животное приветственно заблеяло.

Обойдя сваленные на песок доски для навеса, он прошел к мешку с комбикормом и, набрав его с горкой в совок, высыпал в ящик перед барашком. Принес свежей воды. Фыркая, баран приступил к завтраку, не обращая внимания на Мирзу Халила, который по привычке старого собачника осторожно, по-хозяйски, гладил его кудрявый хребет.

– «Тхъара», – рискуя вставными зубами, выдавил из себя Мирза Халил, пытаясь воспроизвести слово из блокнота. Если расшифровка была правильной, а изобретатель действительно писал на убыхском, слово вполне могло оказаться реальным. Не то, чтобы он где-нибудь слышал убыхскую речь: согласно Википедии, язык этот вообще считался официально мертвым уже лет двадцать пять, просто обилие согласных и заднеязычных явно намекало на кавказскую природу его. Вопрос заключался в том, где взять убыхский словарь.

– Вот тебе, пожалуйста, – сказал он со злостью, обращаясь к невидимому Мешади Ильгару, – и ключ есть, и замок имеется, а попробуй, открой, так, чтобы язык не вывернуть!

Оставив животное в покое нагуливать вес, вернулся он на веранду, подобрал с пола треклятый «Азыхантроп», оглядел его осторожно еще раз во всех подробностях. Красный огонек рядом с выключателем сигнализировал о готовности к эксплуатации.

– Разберемся, – мрачно сказал Мирза Халил, направляясь с аппаратом к барашку. Остановившись в трех шагах от него, он направил заднюю сторону абажура на животное и, держа аппарат наискосок на вытянутой руке, включил его. Произошло то же самое, что и при первом испытании: красный огонек сменился на зеленый, «Азыхантроп» мягко завибрировал, зашелестело в консервной банке, включилась и стала постепенно накаливаться главная лампа, через несколько секунд выползший из трубочки позади абажура луч окрасил в веселый ультрафиолетовый цвет макушку завтракающего животного. Как только в воздухе отчетливо запахло химикатами, Мирза Халил выключил аппарат. Барашек, покончив с комбикормом, звякнул колокольчиком и уткнулся носом в охапку прессованного силоса.

...в доме так громко хлопнула дверь, что задребезжала посуда в буфете. Что-то упало из мебели. Истерично, без слов, кричала Сара. Роняя шлепанцы с босых ног, он ринулся на ее голос, но не успел – она уже выскочила на веранду – зареванная, ошалевшая, в одной ночной рубашке.

С Сарой, конечно, получилось нехорошо. За ночь обросла она вокруг рта и на подбородке добротной, довольно густой щетиной такого же приблизительно цвета и качества, как рысья кисточка на ухе Мирзы Халила. С растительностью бедная Сара стала походить на не вполне определившегося с половой ориентацией ордынского воина.

– ...я теперь как Кончита Вурст, – всхлипывала она, пока Мирза Халил с сидящими на кончике носа очками обстригал маникюрными ножницами ей бороду на кухне.

– Мешаешь...

– ... так я и знала, что с надпочечниками что-то не так...

– Сара!..

– Гирсутизм... это один из первых признаков опухоли, ты понимаешь это?

– Сара, прекрати дергаться!.. Я сейчас порежу тебя, ножницы и так тупые...

– Помешай сироп. Пригорит.

Оставив ножницы, Мирза Халил послушно встал к плите помешивать сахар, топившийся в кастрюльке с медом и лимонным соком для депиляции.

– Я, наверное, умираю, Мирза... – печально сообщила она, закрыв лицо руками.

– Это рак, Мирза. Останешься ты один. Никому не нужный... Тоже ведь долго не протянешь. Не протянешь, Мирза. Я знаю. Сын твой плевать хотел... Шейлочка только ждет не дождется. Скажу Эльмару, чтобы нас рядом похоронили...

– Не знаю, готово или нет. Пахнет хорошо, медом.

– И ведь не такие старые еще, скажи?.. Ой, мамочки, какое несчастье!.. Я умру, а Мурадов со своими блядьми будет гулять по границам, разве это справедливо? Скажи мне! Предупреждаю тебя сразу, Мирза – если это рак, я лечиться не буду. Все эти операции, облучения, химия – ерунда все это! Пытка сплошная... Я смерти не боюсь, выпью чего-нибудь и все! Сразу, без мучений. Проверь, чтобы сахар весь растаял...

– Вроде, растаял.

– Если рак – сразу и себя, и тебя отравлю! – решительно сказала Сара, ошупывая заросший подбородок.

– А меня-то зачем? – искренне удивился Мирза Халил, все еще сомневаясь, стоит ли рассказывать сестре про «Азыхантропа».

– Чтобы один не мучился. Так будет лучше...

Волос сходил с корнем на удивление легко.

6

Канистра была красная. Мирза Халил ходил кругом, щедро поливая корни тутового дерева бензином, плеснул толику его на паутину, злорадно наблюдая, как в панике целыми семействами высыпают отовсюду арахниды, отливающие на свету черным пластиковым глянецом. Достал какой-то необыкновенный коробок спичек с изображением ключа и только собрался подпалить к чертям паучье царство, как из самого центра дерева, разрывая в лохмотья паутину, высунулось землистого цвета еще более осунувшееся лицо изобретателя в медицинской маске.

– Гахраман? – удивился Мирза Халил

– Т-ш-ш-ш! – шикнул нервно изобретатель, выбираясь из паутиного кокона. – Нас слушают!

– Тебя же песком засыпало!

– Это они так думают. Стражи. А я здесь у вас в дереве прячусь. Тяжело, но что делать. Только ты ни в коем случае никому ни слова! Они тебя в миг уберут! ...Рыба там? – тревожно спросил он. Мирза Халил поднял голову. Уже не маскируясь под облако, гигантский Цеппелин висел над двором. В окнах рубки мелькали бородатые лица иранских стражей. По всему килю дирижабля тянулась золотом надпись «Тхъара Цеппелин GmbH».

– Убыхский? – подмигнул изобретателю Мирза Халил.

– Я знал, что только ты догадаешься.

Вспомнив, что про убыхский подсказал ему Мурадов, Мирза Халил несколько смутился, но виду не подал:

– Умеют все-таки немцы делать...

– Это? – презрительно кивнул изобретатель в сторону дирижабля. – Дешевка! Мадэ ин чайна. Лонжероны через неделю отваливаются, и газ жрет так, что не напасешься...

Цеппелин громоздко, мяся пропеллерами воздух, скрипя оснасткой, повернулся над двором градусов на 20.

– Быстро! – закричал Гахраман, доставая изнутри дерева зонт. – Сейчас начнут! Держи, быстро!

Перебивая друг друга, завывали, заревели сирены, оглушенный Мирза Халил поднял голову и вдруг увидел, что все небо над поселком усеяно ревущими дирижаблями.

– Сейчас начнут чипировать! – с трудом расслышал он Гахрамана. – Накройся зонтом!

– Так это они запустили вирус? Китайцы тут ни при чем?

– Конечно, они! Кто еще! – орал Гахраман. – Китайцы пытались помочь, отправили к нам космическую миссию...

Открылся люк в днище гондолы, из нее тучей полетели микрочипы, размером, пожалуй что, с ноготь. Мирза Халил накрылся зонтом, втянул голову в плечи, слушая, как энергично стучат в парусину дьявольские устройства. Падая под ноги, они начинали светиться зловещим неоновым светом, откуда-то из середины их вытягивались эластичные усики, с помощью которых они начинали медленно ползти по земле.

– Дави их! Дави! – бесновался изобретатель, подзадоривая Мирзу Халила, который, будто отплясывая пьяный гопак, яростно уничтожал отвратительных гадов, втаптывая их с хрустом в песок резиновыми подошвами кроссовок.

– Так ее, так ее, эту заразу!

...Продолжая сыпать микрочипами, Цеппелин грузно переплыл через ограду участка, поморгал жигулевским поворотником и, оглашая сиренами окрестности, двинулся вниз по улице к «Боллуг Маркету».

– Неужели ничего нельзя сделать? – кричал, задыхаясь, Мирза Халил.

– Поздно! Если бы ты вовремя расшифровал мой блокнот, еще была бы надежда. А теперь все, п...ец.

– Я... – Его охватила такое отчаяние, что запершило в горле.

– Ты не спас нас, сосед!

– Я пытался!

Гахраман покачал лохматой головой:

– Как говорится, обосрался по полной. Теперь тех, кто выживет, отправят в лагерь. Самый большой уже действует. В Масазыре. Там всех превратят в пещерных людей...

– Как это? – уже догадываясь, спросил в ужасе Мирза Халил.

– Суки все-таки украли чертежи моего «Азыхантропа»! 27 секунд облучения, и на клеточном уровне запускается процесс необратимой реверсивной эволюции. Долго объяснять. Короче, через 48 часов нормальный Хомо Сапиенс превращается в питекантропа, а через сорок дней – в шимпанзе...

– Для чего ты, придурок, изобрел эту фигню! Кому это вообще в голову могло прийти? Да чтоб ты сгорел с этим деревом и своими изобретениями, шизофреник проклятый!.. Сожгу!..

Мирза Халил проснулся на собственный голос. Его била мелкая дрожь. Продолжая по инерции клясть давно покойного изобретателя, он резко сел на кровати, свесил босые ноги на прохладный пол. Из-за соседской ограды выглядывал тоненький, как волос, рожок новорожденного месяца.

– Нассу на могилу этого подонка... – прошамкал Мирза Халил, все никак не успокаиваясь. Во рту была злая горечь, как от касторки. Сверился он с мобильным на прикроватной тумбочке: четверть второго. Глотнув воды, он тяжело поднялся и с сигаретой подошел к полуоткрытому окну. Закурил, дыхнув клубом дыма на неподвижный кипарис за оконной сеткой. Где-то недалеко завелись собаки. Упершись локтями в подоконник, он перебирал в уме подробности дурацкого сна, когда темноту справа, где параллельно дачам шла дорога, полоснул внезапный двойной свет авто-

мобильных фар. Судя по звуку, машина двигалась медленно. И хотя в этом не было ничего необычного: дорога была грунтовая, в разъезженных колдобинах, и пользовались ею редко, – что-то сразу же насторожило Мирзу Халила. Не доехав до дачи, автомобиль остановился где-то рядом с соседской оградой. Заглушили двигатель, но свет фар еще какое-то время продолжал висеть справа в свежем ночном воздухе.

Подтащил он к окну венский стул, встал на него, перешел на подоконник, безуспешно пытаясь заглянуть через кромку стены, хлопнула дверца. Нарушая монотонное пение жаб в камышах за пустырем, кто-то вышел из машины и медленно подошел к ограде.

– Ах же ты! – разволновался Мирза Халил, спрыгивая со стула на пол. Второпях натягивая джинсы, он уронил недокуренную сигарету на пол.

Прежде чем выскочить на веранду, он ткнул шваброй в капкан у входной двери. Капкан громко лязгнул, сжав челюсти вокруг черенка.

– ...я же говорил...блядь... ружье нужно... – ругался он, мечась по веранде в поисках подходящего оружия. У ворот звякнул колокольчиком разбуженный шумом баран. На полу рядом с плетеным креслом лежал, подмигивая Мирзе Халилу красным глазком, «Азыхантроп».

...Он обежал вокруг дома к лестнице, которая так и стояла прислоненной к ограде с предыдущего вечера. Прытко вскарабкался по ней, зажав под мышкой аппарат. Уже сидя на стене, он услышал, как протяжно скрипя петлями, тяжело, до упора открылась рассохшаяся дверь в ограде. Незвестный в чем-то белом и длинном, вроде санитарного халата, проскользнул во двор и воровато двинулся к дому. Сатанея от прилива адреналина, Мирза Халил спрыгнул вниз в невидимый чертополох. Ободрался. Чуть оглушенный падением, не обращая внимания на боль в щиколотках и коленях, побежал, ковыляя следом за санитаром.

– Стой! – кричал Мирза Халил, размахивая над головой «Азыхантропом». – Застрелю!

Неизвестный присел от неожиданности, поднял руки и обернулся. Плотный луч «Азыхантропа» лазерным прицелом уткнулся ему в копчик, пополз вверх по спине.

– Не убивай... не убивай... – заверещал санитар в ужасе, глядя через плечо на светящегося ультрафиолетом Мирзу Халила.

– Покажись!

Все еще не разгибаясь в полный рост, неизвестный волчком обернулся на месте. То, что Мирза Халил принял издали за санитарный халат, оказалось архалуком, надетым поверх черной рубахи без воротника.

– Что тебе здесь надо? – рявкнул Мирза Халил, направив луч на перепуганную физиономию неизвестного со спущенной на подбородок медицинской маской. Судя по экипировке, насланного Билом Гейтсом санитар-вредителя он все-таки не тянул. – Воровать пришел?

– Нет, нет! – запротестовал неизвестный, облизывая кончиком языка губы под жидкой растительностью.

– А ну-ка, не ври! Быстро!

– Я поселковый имам... – скосил мужчина глаза на уставившийся ему в центр лба луч «Азыхантропа», – Гаджи Роял...

– Имам? И что ты здесь ночью делаешь, Роял? Инкира с Минкиром ищешь?

– Нет, аксакал, нет. Опусти ружье, прошу тебя, совсем ты меня ослепил...

– Считаю до трех! Раз... два...

– К девушке пришел, аксакал... – затараторил имам, – что непонятного? Ключ мне сама дала... Вот...

– Ах, ты! – вне себя от бешенства замахнулся «Азыхантропом» Мирза Халил.

– Аксакал... аксакал... – прикрывая голову руками, присел еще ниже имам. – Она же сама позвала... к ней полпосёлка ходит...

Мирза Халил обрушил на имама абажур. С треском разлетелась лампа, заискрило в рукоятке, священнослужитель, путаясь в складках архалука, рванул к двери в ограде, но Мирза Халил успел-таки дать ему приличного пинка под зад. Имам взвыл. От рукоятки разбитого «Азыхантропа» пулей отлетела консервная банка, бешено закрутилась на песке, выплевывая с шипением химический дым из змеевика...

– Шлюха она... – обиженно орал имам с улицы. – Весь поселок к ней ходит... участковый... хозяин «Боллуга», электрик Ильгар ходит! С сыновьями, между прочим!

...Оторвавшись от земли, продолжая дымить, банка взвилась вверх, повисла в воздухе на мгновение и с грохотом разорвалась. Фонтан разноцветных искр украсил ночное небо неожиданным праздничным салютом.

– Дядя, дядя... что случилось?

Мирза Халил обернулся на гейшу из «Боллуга», оценил красное шелковое кино с драконом, неуместный к ночи макияж и желтые платформы и сказал с горечью:

– Тьфу, «дядя»! И вируса, дура, не боится! – После чего, смачно плюнув в догорающие останки «Азыхантропа», побрел к ограде между участками.

«Интересно, – думал он, из последних сил перелезая через стену, – вырастет ли теперь у имама хвост?..»

На следующий день, пока еще спала Сара, принес он из кладовки красную канистру с бензином и сжег на фиг все паучье царство. Как и обещал.

Даже после того, как разрешили бульвар, метро и парикмахерские и стало возможным выходить из дома без SMS, Мирза Халил по-прежнему слышать не хотел о возвращении в город. Кроме бедной Сары, спешно эвакуированной в город, но, увы, так и не избавившейся от неприятной растительности на лице, уговаривал его отсидевший в карантине Эльмар, зазывал Мурадов, заклинали по скайпу сын с невесткой, Сима, Шербет Мамедович и даже соседка Эльза. Но он был непреклонен. Засадив полдвора всяким овощем, начинал он теперь каждый день с того, что, раскурив первую утреннюю сигаретку, прохаживался со шлангом между грядками, пока над дачным поселком всходило колючее июньское солнце.

– Чему радуются? – ворчал он, расчесывая пышную львиную гриву вокруг овечьей шеи. Оранжевая грива росла густо, а главное быстро, и по текстуре совсем не походила на овечью шерсть – уж больше на кошачью. Продолжавший снабжать Мирзу Халила комбикормом Мешади Ильгар предполагал, что метаморфоза с бараном, возможно, как-то связана с реальными львами, сбжавшими когда-то с дачи знаменитого дрессировщика Берберова в поселке, и окрестил барана Бонифацем в честь львенка из мультфильма.

– Рестораны, видите ли, заработали – великое дело! Придурки! Зараза-то не ушла никуда! Куда она уйдет, пока ее всю не вытравишь! А если и уйдет, рано или поздно какой-нибудь кретин опять сожрет летучую мышь, и все повторится!

Бонифаций согласно звякнул колокольчиком.

– Запомни, дорогой, между нормальной жизнью и концом света расстояние всего в одну летучую мышь. Тут и голову ломать не нужно!